Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 39 2004 г.

По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖЕСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте, озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

В НОМЕРЕ:

«ПРИИДИ И ВСЕЛИСЯ В НЫ...»
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

СЕСТРИНСКИМИ ТРУДАМИ И МОЛИТВАМИ

ВО ДНИ ОТКРЫТИЯ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О Святом Крещении»

ПАМЯТИ ПРАВЕДНОГО АЛЕКСИЯ МЕЧЕВА

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником «О молитве за ближних»

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

ПРОСТОСЕРДЕЧНЫЙ И НЕПРАЗДНЫЙ
Инок Феофан

АРХИМАНДРИТ ИСААКИЙ (ВИНОГРАДОВ)

СВЯТИТЕЛЕМ ТИХОНОМ ОБРАЩЕННАЯ

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ
Учимся вместе с детьми

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Я ни на небеси, ни на земли ничего не желаю, кроме Тебе, Боже! Ты мне един желание, радость, утешение и конец всех тщаний и трудов; Тебе единого ищу, и кроме Тебе ничего, что ни есть или на небеси или на земли.

Святитель Тихон Задонский

В ПАМЯТЬ О ВТОРОМ ОБРЕТЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

С 1998 года в Православном церковном календаре появился еще один праздник – память второго обретения мощей святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского. Совершается память 26 августа по новому стилю (13 – по старому).

Праздник этот внесен в календарь 22 марта 1998 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II по случаю 10-летия возвращения святыни Церкви, в воспоминание о состоявшемся 26 августа 1991 года перенесении в Задонский Богородицкий монастырь святых и цельбоносных мощей Задонского чудотворца.

Как известно, с начала 1930-х годов, святыня, изъятая из разоренного монастыря в Задонске, за исключением короткого периода времени, пребывала в запасниках музеев. Но Русская Православная Церковь не оставляла попыток вернуть святые мощи. И в 1988 году (по случаю 1000-летия крещения Руси) святыня передана была Орловской епархии из областного краеведческого музея. Здесь, в кафедральном соборе города Орла, мощи св. Тихона Задонского и пребывали до 1991 года.

А в день памяти святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского, 26 (13 – по старому стилю) августа 1991 года святыня торжественно возвратилась туда, откуда была в свое время исторгнута безбожной властью – под своды Владимирского собора Задонского Богородицкого монастыря.

С тех пор мощи Задонского чудотворца неотлучно пребывают во Владимирском соборе.

"Приди и вселися в ны..."

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь, 31 мая 2004 г.

Сегодня, дорогие, мы с вами празднуем день Святаго Духа. Как на Крещение освящаются водные стихии по всей земле, так на Троицу освящается весь растительный мир при сошествии Святаго Духа: на Троицу Дух Святой сошел и освятил всю землю.

Мы, дорогие, также освящаемся Духом Святым. И я хотел бы, чтоб вы всегда помнили – Господь сказал: «*Иже аще речет слово на Сына Человеческаго, отпустится ему: а иже речет на Духа Святаго, не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий*» (Мф. 12, 32). Это страшные слова: человек, который, может быть, всю жизнь жил святой жизнью, был великим примером для всех и вся, но похулил Духа Святаго, не будет прощен Господом. Почему Церковью запрещено отпевать самоубийц? Потому что они – хулители Духа Святаго, которые перечеркнули свое вечное будущее и открыли для себя врата вечного ада...

Из Священного Писания и писаний святых отцов мы знаем, что Господь создал землю Святым Духом, и без благодати Его она будет выжженной пустыней. Но Священное Писание говорит нам также, что *мы есть храмы Духа Святаго* (см. 1 Кор. 3, 16-17; 6, 19). И если мы не являемся таковыми, то душа наша также становится выжженной пустыней. Поэтому мы и читаем в молитве «Царю Небесный»: «*...приди и вселися в ны*». Поэтому и святые отцы, подвижники благочестия имели целью своей жизни – стяжание Святаго Духа. А если Его нет в наших душах, то у нас ничего и не получается. Мы стараемся куда-то идти, но приходим к ложным целям, потому что цели эти, идеи подкидывает нам супостат мира сего – диавол, для того чтобы мы не разобрались, зачем живем и для чего рождаемся.

Но когда человек воцерковился и постоянно соединяется с Богом в таинствах, живет с Духом Святым, тогда благодать наставляет его на всякую истину и он начинает постигать, что родился для жизни не земной, но небесной, для того чтобы быть всегда с Богом. И, зная свое предназначение, он уже понимает, почему – хотя он и крещенный, и воцерковленный, и, может быть, стяжал какие-то дары Святаго Духа – приходят к нему скорби и болезни. Это Господь Своим Промыслом готовит каждого к вечности – у всех свой особый путь, *все от Бога дано спасающемуся*; и как в горниле очищается металл, так и страдания очищают нас *от всякия скверны*.

Сегодня нередко встречаются люди, которые говорят, будто они

безгрешны – они даже не представляют, сколько внутри человека есть страстей и пороков... Но приходит время, создается благо-

приятная атмосфера для проявления нашей самости, внутренней сущности и исполнения наших страстей – и они вылезают наружу. Это подобно временам года: зимой все замерзает, оледеневает, но приходит весна – и оживает природа, начинает размножаться растительный и животный мир. Так и мы: убиваем себя воздержанием, постом, молитвой, воплем к Богу, чтоб быть застывшими и не дать возможности показаться наружу змеиным головам страстей и пороков. Но лишь только человек попадает в общество атеистов или верующих других конфессий, в секты или в «духовные» центры, он, немножко поскорбев, начинает жить их жизнью. И происходит размножение наших желаний: похоти плоти, гордости житейской, похоти очес. А потом мы ужасаемся: «Неужели это я?!..»

Приведу пример. Побывали мы недавно в Греции у мощей преподобного Спиридона Тримифунтского. Нас прилетело на самолете 170 человек: духовенство, монахи Троице-Сергиевой Лавры, Калужская семинария, дети... Было воскресенье и, конечно, совершалась литургия. Пришли в храм и православные греки сели на стулья. Смотрю: и наши, глядя на греческую диаспору, также сели рядом с ними и сидят, отдыхают на службе, хотя прекрасно знают, что нужно потрудиться, ведь Господь сказал, что *Царство Небесное трудом достигается, и только труженики наследуют это Царство* (см. Лк. 16, 16). Гляжу: встали со стульев, подошли, причастились и опять сели.

Или другой пример. Нам, монашествующим, с первых шагов было сказано: «Вот этого вкушать нельзя. А вот это – можно». Но когда нас кормили, некоторые монашествующие кушали мидий, ели и каракатиц – в общем все, что подавали, то и они вкушали...

Но порадовало меня то, что православные монастыри, где бы они ни были, всегда остаются монастырями – уклад монастырский везде одинаковый. Всюду очень строго подходят к заповедям Божиим, имеют страх Божий, с благоговением почитают святыню. Мы были на Афоне, ездили по монастырям Греции. Посетили греческие монастыри-метеоры, которые находятся на огромных валунах из песчаника, на высоте где-то около четырехсот метров. Стараясь скрыться от мирской суеты, несколько веков назад монашествующие построили на площадках этих валунов монастыри и поднимались туда с помощью веревки и блока: один монах садился в плетеную корзину или сетку, а второй, крутя ворот, поднимал его наверх. Сейчас, конечно, для паломников сделали ступени, и мы получили возможность взойти туда. Монашествующих там немного и они, кстати, очень хорошо относятся к русским православным. Когда увидели, что мы крестимся, как положено – чело, пуп, правое рамено и левое – они обрадовались: «Руссия! Руссия!» – сразу поняли, что мы русские. Потому что большинство людей за границей вместо крестного знамения только машут перед носом руками – я по-началу даже не понял, что они делают. Это лишний раз подтверждает, что как раньше была Русь Святая, так и сейчас она остается святой по отношению ко всему миру и к другим православным диаспорам и церквам. Поэтому я много раз наставляю всех тех, кто общается со мною: нужно жить православной, русской, христианской жизнью.

Да, наш народ отличается от остальных крестом. И не только крестным знамением – сколько страданий перенесла Россия! Вы думаете, они просто пришли к нам сами собой? Нет. Они посланы были исправить нас: «Дух Святой, *Дух истины*, – сказал Господь, – *наставит вы на всяку истину*» (Ин. 16, 13).

И вот, дорогие, в этот чудесный день в этом прекрасном монастыре мы сегодня молились Святому Духу, чтобы Он пришел и вселился в ны. Но готовы ли мы принять Его? Помните пророчество, что в последние времена в храмах будет мерзость и запустение (см. Мф. 24, 15)? А как она придет туда? Да мы являемся мерзостью. И когда приходим в храм, то своей мерзостью мы оскверняем его. Здесь уже не может пребывать Дух Святой, благодать отходит от всего. Поэтому посмотрите каждый внутрь себя, очиститесь через покаяние и воздержание и приготовьте душу свою, чтоб она была храмом Духа Святаго. Аминь.

Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь

Сестринскими трудами и молитвами

По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона восстанавливается ныне Тюнинский женский монастырь в г. Задонске

Всякий монастырь – в идеале – земной прообраз Града небесного. И уходят туда, затворяясь от мира, те, кому горнее настолько дороже дольнего, что уже во дни земного жития своего хотят они облечься во образ ангельский.

Вот и пребывают в стенах монастырских насельники как бы на половине пути спасения. От мира суетного отрекшись, но Небес еще не достигши. А потому очень символично в этом плане расположен Богородице-Тихоновский (Тюнин) монастырь, устроенный в благословенном месте, освященном трудами и молитвами святителя Тихона, Задонского чудотворца.

Вплотную к западной стороне старинной здешней ограды проходит весьма оживленное шоссе, ведущее из Задонска к федеральной трассе Липецк-Орел и далее – на Донское – второй по величине населенный пункт района. С утра до вечера не пустует дорога.

А вот со стороны восточной вплотную к монастырской ограде царит лесная тишина. Здесь – несуетный покой природы, уголок мира Божиего, не оскверняемый вмешательством воли человеческой, так часто следующей соблазнительным подсказкам «князя мира сего».

Оттуда, из лесу, и вышли первые встреченные нами сестры. В руках – букеты, сочетающие зелень разнотравья и неяркие краски диких цветов. Но собраны были эти букеты вовсе не из суетного стремления ко красоте внешней, а пользы ради. Сбор лекарственных растений – одно из монастырских послушаний в летнюю пору.

А еще одно сезонное и очень ответственное послушание здесь – труды на монастырском огороде. Ими и было занято большинство насельниц.

– Нам досталось бывшее тепличное хозяйство совхоза «Задонский», – рассказала настоятельница обители, монахиня Арсения, – которое в советское время разместили в монастырской ограде. Было оно очень запущено, так как последние годы оставалось брошенным. Прямо скажем – целина. Там мы и разбили монастырский огород. И для того положено было много труда. Пришлось потрудиться, чтобы привести эту землю в такое состояние, чтобы на ней можно было что-то выращивать. Но, с Божией помощью, все это получается. В прошлом году мы собрали со своего огорода столько картошки и огурцов, что их хватило на нужды обители. В этом году вновь посадили картошку, огурцы, помидоры...

Рядом с монастырским огородом, как бы дополняя картину – своего рода «мехдвор» – собрание сельхозтехники разной степени укомплектованности. Но это уже не столько деталь современного монастырского быта, сколько досадное напоминание о прошлом. Техника эта – фермеров, которые до сих пор живут на территории обители. И вопрос с предоставлением им, а также еще нескольким семьям, иного жилья имеет перспективу весьма туманную. Ведь у монастыря нет средств для переселения людей, «расквартированных» здесь государством, отрекшимся от Бога. И это не может не огорчать сестер.

Вот и получается, что хоть, в основном, мирская жизнь, стремительно шуршащая мимо шинами по асфальту, и остается жизнью посторонней для обители, изрядный осколок этой самой суеты мирской застрял пока в черте стен монастыря, нарушая налаживающийся распорядок жизни сестрической общины. А тут уже есть свой уклад, свой распорядок. Совсем не суетный.

И одна из его черточек – чтение так называемой «неусыпаемой Псалтири». Круглосуточно и неукоснительно звучат здесь псалмы Давидовы, поочередно читаемые сестрами Тюнинской обители. В теплое время Псалтирь читается на крылечке при входе в здешнюю церковь.

Собственно нынешний Тюнинский монастырь – это здание бывшей конторы совхоза «Задонский», утопающее в зелени тесно обступающих

его деревьев. Стараниями насельниц и их доброхотных помощников вид у этого просторного дома с мощными стенами уже совсем не конторский. Да и немудрено – ведь устроили сначала МТСовскую, а потом со-

вхозную контору, разрушив старинный храм во имя иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источ-

нику». Но сломали не «до основанья», как полагается по революционным призывам, а потому и проступают ныне все ярче храмовые контрфорсы и своды, как будто краски на вдруг обновившейся иконе.

Но до действительного обновления здесь, конечно, далеко, и предстоит потрудиться немало. Не случайно и ныне большая часть возвращенной обители территории напоминает стройплощадку. Здесь ведь, к моменту принятия решения о возрождении упраздненного после революции женского монастыря, совсем не оставалось зданий, пригодных как для молитв, так и для проживания насельниц. Все пришлось, начиная с 1994 года, либо строить заново, либо перестраивать обратно, после того как за долгие советские годы хозяйствующие субъекты старательно перелицевали под свои нужды доставшиеся им монастырские постройки.

Так, лишь стены остались от здания церкви во имя святого князя Александра Невского с примыкавшими к ней трапезной на первом этаже и келией игумении с обширной приемной – на втором. Из-за отсутствия прежних планов здания восстановить его первоначальный облик и расположение помещений оказалось невозможно. А потому и пришлось строить новую трапезную параллельно со старым корпусом. Возведена, заедино с трапезной, и малая церковь, которую, как и прежде, планируется освятить во имя благоверного князя Александра. Строительные работы в новом здании завершены, ведутся отделочные, прокладываются коммуникации, налаживается отопление.

– Даст Бог, и не столь далек окажется тот день, когда мы с сестрами будем разделять трапезу уже здесь, – со смиренной надеждой говорит матушка Арсения.

Новую трапезную с обновленным корпусом старой соединяет теплая галерея. В советское время бывший трапезный корпус занимали ремонтные мастерские. Под ремонт тракторов и прочей крупногабаритной сельхозтехники и был он переделан. Так что, по возвращении обители Церкви, пришлось производить серьезную реконструкцию. Сейчас она завершена, ведется внутренняя отделка помещений, где разместятся келии игумении и сестер, канцелярия и библиотека обители.

Пока же насельницы живут в бывшем конторском здании.

Всего в обители спасаются ныне 18 насельниц. 9 сестер – в постриге: 5 монахинь, 4 инокини. две послушницы и остальные – трудницы.

А еще два года назад сестер здесь не было. 24 июня 2002 года прибыла сюда матушка Арсения (Семенова), до того спасавшаяся в Свято-Тихоновском Преображенском женском монастыре. По благословению правящего архиерея тогда еще епархии Воронежской и Липецкой назначена она была старшей сестрой в Тюнинскую обитель, официально открытую согласно решению Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2002 года. Вот как ныне вспоминает об этом монахиня Арсения, 2 марта 2004 года указом высокопреосвященнейшего епископа Липецкого и Елецкого Никона назначенная настоятельницей:

– Первая сестра, которая со временем стала послушницей, Анна, приехала из Липецка. В основном, вначале приходили мирские. Потом пришла первая из монашествующих сестер – мать Нина. Она несла послушание в Задонском Рождество-Богородицком монастыре, в швейной мастерской, а затем, по благословению владыки Никона, перешла сюда. Здесь спасается и ныне, возглавляя нашу швейную мастерскую. Она шьет для нас апостольники, мантии, подрясники, рясы и иные вещи, необходимые для быта монастыря и его насельниц.

Швейная мастерская размещается в том же «конторском» здании, что и кельи. Здесь же и покои настоятельницы, с небольшой приемной, из-за общей тесноты служащей еще и для спевок малого монастырского хора. А потому и соседствуют в одной комнатке компьютер, который собираются использовать для ведения делопроизводства и старенькое пианино, служащее для аккомпанирования во время спевок.

Через стену – трапезная обители, стараниями сестер содержащаяся в чистоте и дивном порядке.

А в западной оконечности здания устроена домовая церковь обители. Здесь, предположительно, располагалась колокольня церкви во имя иконы Божией Матери «Живоносный Источник», первоначально устроенной в 1813 году. От алтарной же части храма с приделами, пристроенными в 1863-1814 годах, не осталось и следа.

– Первое богослужение, вечернее, в нашем домовом храме состоялось 16 августа 2003 года, – рассказывает настоятельница. – А 17 августа совершена была здесь Божественная литургия. Служил иеромонах Поликарп, наш духовник. По благословению правящего архиерея богослужения совершаются у нас по воскресным и праздничным дням.

Ныне собираются на службы в храме Богородице-Тихоновской обители уже не одни только насельницы. Приходят и миряне – из близлежащего пригородного села Тюнино. Отец Поликарп (Шарый), удостоенный за свое служение сана игумена в Светлое Христово Воскресение 2004 года, этому рад. Значит, возрождается духовное единение жителей старинного села и обители, которую прабабушки и прадедушки нынешних поселян считали настолько своей, что без колебаний вышли под красноармейские пулеметы весной 1922 года, когда прибыли представители властей, дабы разграбить церковное имущество.

Здесь, в домовой церкви Тюнинского монастыря, фактически и начинается каждый день сестер, спасающихся в стенах обители. Собравшись в храме, с 6 утра читают матушки утренние молитвы, Полунощницу, акафист Божией Матери нараспев и потом – малое свое монашеское правило.

А после 8 утра направляются сестры исполнять различные послушания. Забот, причем требующих немалых затрат труда и времени, как уже говорилось выше, у них немало. И поэтому очень благодарны матушки тем, кто приходит им на помощь, благотворя обители.

– Владельцы предприятий, руководители и директора нас понимают и стараются помочь. Кто-то помогает финансово, кто-то строительными или иными материалами, потребными для скорейшего восстановления нашего монастыря. И всем, нас поддерживающим, мы искренне благодарны и возносим молитвы за здравие их и их близких.

Очень много помогает монастырю унитарное предприятие «Липецкоблтехинвентаризация», сделавшее поддержку тюнинских матушек одним из пунктов программы благотворительности. Приобрели колокола, строят купель на источнике, освященном трудами и молитвами святителя Тихона, чудотворца Задонского.

Именно он, Задонский отшельник, так любивший этот тихий лесной уголок, как считают матушки, и помогает им ныне вновь его обустраивать своими святыми молитвами, предстоя пред Престолом Господним...

Л. МОРЕВ

Во дни открытия мощей святителя Тихона

побывала в Задонске София Иванова – будущая елецкая подвижница схимонахиня Магдалина

Земная жизнь схимонахини Елецкого Знаменского (на Каменной Горе) женского монастыря Магдалины началась 30 апреля 1827 года. Родилась она в семье Михаила Иванова, дворянина, «архитектора при тульском оружейном заводе». Во святом крещении наречена Софией.

Схимонахиня Магдалина

По смерти отца София воспитывалась в Московском Николаевском сиротском институте и закончила курс первой кандидаткой в 1845 году. Жила светской жизнью, не чуждаясь развлечений – «любила гулянья, вечера, балы, музыку, танцы, лакомства и наряды».

Но в 1855 году под влиянием чтения собрания писем Георгия, Затворника Задонского, София начинает осознавать, что, продолжая жить так, как жила она до этого, оказывается она «обманщицей пред Богом и людьми», давшей обеты в крещении и не исполняющей их. И в субботу 4-й недели Великого поста, 15 марта 1855 года, во время всенощной, когда читалось слово Ефрема Сирина, София Иванова испытала глубокое раскаяние перед Господом и дала обет «отныне служить Тебе, Господи, всею душой, всем сердцем и всеми помышлениями».

Духовный отец ее, к которому она обратилась за советом, благословил ее в течение семи лет готовиться к тому, чтобы принять монашеский постриг. С тех пор, отказавшись от прежних увлечений, София Иванова начинает вести жизнь в добровольных лишениях и подвигах самоотвержения. Много странствует по святым местам. Сподобил Господь Софию Иванову быть и в Задонске во дни открытия мощей святителя Тихона, чудотворца.

В общей сложности семь с половиной лет она готовилась к поступлению в монастырь. И, наконец, в 1862 году решила поселиться в Елецком Знаменском монастыре в выстроенной на ее собственные средства келии. Здесь 21 октября, во время вечерни, она одета была в монашеское платье и представлена сестрам.

Тем не менее формально в 1862 году Иванова еще не стала насельницей обители. В формулярном списке за 1868 год значилось: «София Михайловна Иванова 41 года, определена в монастырь 11 июня 1866 года, облечена в рясофор 11 июля 1867 года». То есть до лета 1866 года продолжалось приуготовление Софии Ивановой к стезе монашеской,

на которую вступала она, не повинуясь минутному порыву, как то порой бывало и бывает, а придя *в меру возраста духовного*. А потому и неудивительно, что явила она пример истинного самоотречения и смирения.

Вот что сообщает о благочестивом ее иноческом житии автор жизнеописания: «Во всю Святую Четыредесятницу, кроме субботних и воскресных дней, принимала пищу к вечеру и притом одну просфору или кусок ржаного хлеба с водою. Спала она на досках, а подушкой служил камень, покрытый войлочком; жила без прислуги и келью топила только для того, чтобы не замерзнуть. Служб церковных не пропускала, знакомых по монастырю не имела и по чужим кельям не ходила; знала только свою келью и храм Божий, благоговейно стояла на молитве и непрестанно оплакивала грехи свои; для бедных всегда была доступна и делила с ними последнюю копейку. Кроме послушаний по церкви, она исполняла послушания письменные по поручению игуменьи: составляла поверку формулярных ведомостей, переписывала сами ведомости и собирала сведения о почившей в монастыре блаженной затворнице Мелании».

За пять месяцев до смерти она ездила на поклонение святыням в Воронеж, Задонск и Вышенскую пустынь. Дорогой простудилась и не занялась, как следует, своей болезнью, исполняя возложенные на нее послушания. От простуды развилась скоротечная чахотка, которая и свела ее в могилу. Перед кончиною же, в болезни, София тайно была пострижена в мантию и схиму с именем Магдалины. И после напутствования Святыми Таинствами схимонахиня Магдалина скончалась. Произошло это 1 апреля 1869 года.

Вот какими словами завершает свое повествование автор жизнеописания схимонахини Магдалины: «Немного пожила в инокинях почившая о Господе Магдалина, но немало потрудилась ради своего спасения и немало испытала перемен в жизни духовной. Эти духовные испытания и чувствования дошли до нас в ее записях и письмах». Одна из таких записей – впечатления еще только готовившейся к поступлению в монастырь Софии Ивановой от торжеств по поводу прославления святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского, радость участия в коих разделила она с тысячами православных, собравшихся в Задонске в августе 1861 года.

И сегодня мы предлагаем читателям «Задонского паломника» заметки елецкой подвижницы о том, как проходило открытие мощей святителя Тихона, чудотворца Задонского...

• • • • • • • • • • • • • • • •

«Слепые прозирали, и немые начинали славить Бога...»

Как благодарить мне Господа за Его милость ко мне грешной, удостоившего меня побывать при открытии мощей угодника (Тихона)!

Я пошла пешком одна 6 августа (1861 года), а возвратилась 16-го. 12-го августа в 3 часа пополудни было перенесение мощей из теплой церкви в собор. Митрополит, три архиерея, 12 архимандритов, 28 иеромонахов с иконами, хоругвями, зажженными свечами, с протяжным умилительным пением псалмов открыли крестный ход; и высшее духовенство на плечах своих внесли угодника в собор, поставили посредине церкви, на приготовленном возвышении, но не открывали крышки гроба, который тотчас же покрыли золотым покровом. Двое монахов стояли с рипидами и осеняли угодника; большие свечи горели у гроба. Нельзя было без слез смотреть на угодника, знавши из описанья его смирение. Тысячи тысяч народа преклонили пред ним колена и испрашивали его ходатайства. В 6 часов началась всенощная опять всем духовенством. Во время величания: «*Хвалите Господа с небес*», – митрополит снял крышку гроба; и благоуханное тело угодника открылось для всех. Всеобщий вопль неудержимой радости и молитвы пробежал по всему храму; сердца всех были обращены к угоднику: описать этих минут невозможно; их можно только чувствовать. Тут началось прикладывание к мощам; меня грешную угодник удостоил также приложиться. В 11 часов кончилась служба. На другой день 13-го опять тот же собор духовенства совершал литургию. Во время малого входа угодника внесли в алтарь и поставили на горнем месте; и он, как главный из архиереев, присутствовал во время богослужения. После литургии из алтаря понесли его опять кругом всего монастыря; опять тот же крестный ход с иконами, свечами, хоругвями. Народ разделен был на две части: на правую и левую сторону; дорога впереди очищена для хода. Тут-то восторг народа был неописуем; от избытка радости и любви к угоднику, пока его

Богослужение 12 августа 1861 года во Владимирском соборе

несли вокруг монастыря, на очищенную дорогу стали бросать все,

что только кто имел: платки, кушаки, шапки, кафтаны – все летело к ногам угодника. Без слез нельзя было смотреть на этот всеобщий энтузиазм. Это как нельзя лучше напоминало шествие Спасителя в Иерусалим, когда Ему подстилали ризы. Тем же порядком принесли опять угодника в церковь, поставили уже на приготовленном месте под бархатным балдахином; тут отпели молебен и заключили многолетием. Так прославил Господь смиренного своего служителя, который никогда не искал славы в людях. Народу было, как говорят, около 500 тысяч (по официальным данным – около 300); больных всякого рода несметное множество 10 и 11 числа, когда угодника еще не переносили в собор, теплая церковь была вся наполнена ими; ужасные крики бесноватых, испорченных оглашали всю церковь, и ни один из этих несчастных не уходил не утешенным от угодника; слепые прозирали и немые начинали славить Бога и благодарить угодника, одним словом – все получили исцеление; я сама была свидетельницею.

Печатается по изданию «Жизнеописание схимонахини Елецкого Знаменского женского монастыря МАГДАЛИНЫ», Елец, 1903 г.

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово второе

О Святом Крещении

Кто будет веровать и креститься, спасен будет **(Мк. 16, 16)**

Слово это сказал Спаситель наш Господь для укрепления и утешения нашего: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет.* Что может быть утешительнее для верной и крещеной души, чем эти слова, которые обещают ей вечное спасение?

Возлюбленные христиане! Богу слава, и мы веруем в Евангелие и святым Крещением просвещены. Но посмотрим на силу святого Крещения и поглядим, какими мы были до Крещения и какими стали после Крещения, дабы и от этого получить живое утешение.

Через святое Крещение мы избавились от великого бедствия и все истинное блаженство получили благодатью Божией.

До Крещения мы были удалены от Бога, но через Крещение приблизились к Богу.

До Крещения мы были врагами Божиими, но Крещением примирились с Богом, и Бог с нами примирился.

До Крещения мы были чадами гнева Божия, но после Крещения сосудами милости Божией сделались.

До Крещения мы были чадами тьмы и чадами дьявола, но, крестившись, стали чадами света и чадами Божиими.

До Крещения мы были оскверненными грехами, но Крещением *омылись, освятились и оправдались* (1 Кор. 6, 11).

До Крещения мы были погибшими, но, крестившись, стали спасенными.

До Крещения для нас были закрыты двери к вечной жизни и Небесному Царствию, но Крещением отворились, и входят туда безпрепятственно хранящие благодать святого Крещения.

Эти и прочие благодеяния Божии через святое Крещение получаем, и получаем даром, без всяких наших заслуг, по одному только человеколюбию Божию. Ибо что погибший может заслужить? Слава благости Божией, слава человеколюбию Его, слава милосердию Его, слава щедротам Его! Да будет имя Господне благословенно отныне и до века! Всю эту высочайшую Божию милость заслужил для нас Единородный Сын Божий Иисус Христос, Спаситель наш, заслужил драгоценной Кровью и смертью Своей.

Возлюбленные христиане! Вспомним святое Крещение и осмотримся, достойно ли святого Крещения живем, чтобы это самое Крещение не было нам в большее осуждение в день Страшного Суда Христова, где судится всякое законопреступное слово, дело и помышление. Аминь.

Памяти святого праведного Алексия Мечева (†1923)

Он был старец и подвижник – и многие не видели ни его старчества, ни его подвижничества, многие, даже из числа истинно взыскующих того и другого и любящих то и другое. Многие соблазнялись о нем: какой подвижник в вечной молве, суете, шуме? Какое старчество – в самом центре городской суеты, под визг автомобилей, в обстановке обычной семейной жизни московского среднего круга?

Все внешнее у него было точно такое же, как у всех нас. Ни ограды, ни святых врат, ни братского корпуса, ни скитского домика; обыкновенный интеллигентный буржуазный дом в центральной части Москвы, с парадной лестницей, электрическим звонком (который, правда, не звонил), с паровым отоплением. До того не келия была его комната, что даже постоянно горящей, неугасимой лампады, какие не только в келиях, но и в простых русских семьях всегда горят, не было у него; иногда горит, а почти всегда не горит. Трапезы тоже не было никакой. Спешный, случайный, в разное время, когда доведется, завтрак, обед и ужин, а в сущности просто еда – наспех, наскоро; телефонные звонки с долгими отрывами, благодаря множеству посетителей. С утра до ночи, до часу ночи, звонки телефона, стуки в дверь, поездки по городу, домовой комитет, нестроения, неврастения, житейские будни, безконечные, изо дня в день тянущиеся, со слезами, болезненным смехом, детскими криками, всяческими мирскими нуждами своей семьи, причта и прихода и сотен человек приходящих. Не скит, а семья, и кофе по утрам, и нужно всем платье, и платить за ученье, и водопровод испортился, и дрова вышли, и сегодня именины, и гости, и ребенок грудной заболел. Стен не было никаких, ничто не огорожено: ни молитва, ни безмолвие, ни уединение, ни внимание к себе. Во все вторгались шум и молва. Сам богослужебный чин – уже, казалось бы, непререкаемый, отдельный и непоколебимый – и тот нарушался постоянно: надо идти служить всенощную, уже звонят, но дома люди, не уходят, плачут, просят молебен, панихиду – и батюшка служит дома; начало всенощной в церкви отлагается на полчаса; исповедь идет во время обедни, и не отдельный духовник ведет ее, а он сам же, служащий, о. Алексий. Надо выносить Святые Дары, но какая-то женщина, пришедшая из-за заставы, плачет и умоляет исповедовать ее. Всех приобщили и унесли Святые Дары, но одна не приобщилась, и батюшка приобщает ее из северных дверей, и так далее. Во всем, во всем, от еды и телефона до чина богослужения – не монастырь и не скит, не безмолвие, не чин, не тишина. Но значит ли это, что – не подвиг и не подвижник? Нет, подвиг – и непостижимо великий. Нет, подвижник – и непостижимо светлый. И недаром этому подвигу пребывания во граде, яко в пустыни, изумлялись истинные жители иноческой пустыни, духовные други покойного, приснопамятные Оптинские старцы Феодосий и Анатолий, почитавшие смиренного батюшку о. Алексия с Маросейки истинным самоподвижником и благодатным старцем, а старец о. Нектарий как бы с упреком выговаривал приехавшим к нему из Москвы: «Зачем вы ездите к нам, когда у вас есть отец Алексий».

Отец Алексий пустыню перенес в Москву, заключил ее в своей многолюбивой душе и многострадальном сердце и щедро раздавал приходящим к нему неоскудевающие благоуханные дары пустыни – смирение, радость, утешение, милость и дар даров – ЛЮБОВЬ.

ВОСПОМИНАНИЯ ДУХОВНЫХ ЧАД

Однажды пришлось ему быть на одном торжественном заседании, кажется, на открытии какого-то учебного заведения. Какой-то важный господин сделал доклад о воспитании. Все восхищались этим докладом, но Батюшке, как человеку опыта, многое показалось пустыми словами, многое было недодумано. Батюшка сделал несколько замечаний. Важному господину это не понравилось. Он презрительно, свысока посмотрел на Батюшку и сказал, что человек он занятой и не имеет возможности вести с Батюшкой разговора по этому поводу, но что он найдет для этого другое время и спросил Батюшкин адрес. Среди присутствовавших дам были Батюшкины духовные дочери, которые возразили, что и у Батюшки времени тоже очень мало. Тогда докладчик записал Батюшкин телефон. Но, конечно, позвонить он и не подумал. Между прочим, жена этого господина знала Батюшку, иногда у него бывала, советовалась с ним.

Прошло несколько месяцев. Однажды ночью Батюшку спешно вызвали в это семейство: сын их, почти мальчик, стрелялся. В доме была роскошь, богатая обстановка, но среди всего этого великолепия лежал раненый юноша, рассказавший Батюшке, что в семье он не знал ни любви, ни ласки; что родители в его воспитании почти не принимали участия, – рос он на руках наемных людей; отца видел лишь за обедом, раздражавшимся на домашних, делавшим замечания. Юноша говорил, обнявши Батюшку: «Зачем же вы до

сих пор не приходили? Зачем же я не знал, что есть на земле такие люди?» – «А как мог я прийти раньше? – сказал Батюшка. – Они бы на меня собак спустили».

Пришел к Батюшке. А Батюшка куда-то вышел и оставил меня одного.

В это время на окне у Батюшки стояла маленькая баночка с вареньем и на ней была приклеена записочка: «Дорогому Батюшке». Было это в самую голодовку. Вот увидел я эту баночку и подумал: «Однако попик-то хорошо живет, когда в такое голодное время варенье ест». И разом у меня все доверие к нему пропало и разговаривать уже не хотелось, – ну, значит, мол, такой же, как и все». Вот пока я раздумывал, приходит Батюшка, посмотрел мне в глаза, улыбнулся и говорит: «Так, значит, этому старику не стоит доверяться, потому что он варенье ест».

И так мне стало легко... Как будто он все мое недоверие к себе и сомнение взял и выбросил в окно.

На исповеди.

Батюшке говорю: «Батюшка, есть грех «мшелоимства». Я убила одну мышь в своей жизни, больше никогда не позволю убить, ведь она тоже жить хотела». Батюшка улыбнулся. «Ну, Бог простит, уж больше не убивай». Он сказал это шутя и с улыбкой, но не объяснил мне этого греха. Батюшка всегда очень жалел наши души, чтобы они не страдали, а поэтому, чтобы не причинить страдания, и не *налагал никогда епитимий* и не давал чувствовать величину твоего греха, избавляя нас от страдания и окаяшки, который мог навести на нас уныние. Батюшка родной, он все *брал на себя* и за нас молился и страдал.

– ...Нехороший сон видела...

– Это бывает от неумеренности в пище, от пустых разговоров; а так как это у тебя всегда бывает, то ты всегда себе и жди этого...

Считай себя хуже всех, – да ты и так хуже всех...

– ...Батюшка, иногда бывает так тяжело, что хочется к кому-нибудь пойти и заплакать.

– Ну нет уж, не надо, у тебя есть одна помойка – о. Алексий – ты в нее и вали все, а другим не надо.

В 1920 г. духовные чада подняли вопрос о том, чтобы выхлопотать Батюшке награду – «крест с украшениями». В 1922 г. исполнялось 30 лет служения Батюшки в сане иерея, но награду эту предлагали выхлопотать заранее, не дожидаясь этого срока.

Все, конечно, с радостью согласились, да и кто бы мог не желать этого. Где-то добыли и крест с камушками, какой только можно было достать в те трудные годы, и не так-то это было тогда просто.

Отец Алексий Мечев в Верее

Настал день, когда Батюшка был вызван на патриаршую службу и награжден этим крестом. Это был воскресный день. Когда же все собрались на вечернее богослужение, то с волнением и радостью ожидали прихода Батюшки. Как и постоянно было в те годы, храм был переполнен молящимися. Батюшка пришел уже после начала службы и прошел в алтарь. На его лице не только не было заметно какой-либо радости, но не было и обычной улыбки. Он был каким-то встревоженным и глубоко огорченным. По окончании вечернего богослужения открылись Царские Врата и все сослужители Батюшки вышли на солею поздравить его с наградой. Вышел и сам Батюшка, тоже в облачении. После короткого молебна он обратился ко всем присутствовавшим в храме, которые так сочувствовали его награждению, и начал слово, которое все время прерывалось горькими слезами. Закрывая лицо рукой, он говорил о своем недостоинстве, о том, что он всегда готов всем служить, но что всякое внимание призывает его к еще большим трудам, а теперь, когда силы его слабеют, что же сможет он дать больше того, что дает?.. Его слово было всенародным потрясающим исповеданием своего ничтожества, своей полной во всем недостаточности, негодности и слабости. Казалось, что этот крест с камушками совсем задавил его. В конце этой слезной, потрясшей всех исповеди, Батюшка с глубочайшим смирением поклонился до земли, прося у всех прощения.

Многие осуждали Батюшку за то, что он давал молитву Иисусову с самого начала, когда люди-то хорошенько и молиться не умели. У Батюшки в простоте ее была и ее сила. Он строго запрещал всегда ее «творить» и «делание», как это было у Святых Отцов, где это являлось великим и трудным подвигом, опасным для новоначальных и невозможным в миру.

Батюшка считал, что от простого повторения этих великих слов является чувство, а от него появляется и молитвенное настроение. Он напирал на слова «помилуй мя грешного», так как, читаемая в покаянии, она предохраняет от всевозможных искушений (прелести).

Простота, с которой она читалась, и покаяние, которое в нее вкладывалось, предохраняло человека от различных, подчас очень тонких и опасных искушений.

– Нам нельзя ее «творить», как Святые Отцы, – говорил Батюшка. – Где же нам с ними сравниться, как они там в пустынях ею занимались. Нам невозможно «делание» Иисусовой молитвы. Нам можно только просто говорить ее, как можно чаще в доме, на улице, в гостях. Она очень, очень помогает и от многого защищает.

Такое простое учение о молитве Иисусовой приводило тем не менее к таким же результатам, как и «делание» ее, и было тоже замечательной особенностью молитвенного духа великого старца о. Алексия.

Часто Батюшка говорил мне о своей смерти, но я не давала возможности говорить ему об этом. И теперь вижу, что этим всегда мешала Батюшке подготовить меня к иной жизни. Часто наш разговор

начинался с Батюшкиной смерти: «Вот скоро я умру», – бывало, скажет Батюшка, – а я начинаю плакать и просить Батюшку: «Нет, нет! Я без Вас не буду здесь жить... И не останусь, не останусь...» И так кричала и всегда об этом спорила с Батюшкой, точно я могла изменить волю Божию.

Батюшка плакал о нас о всех: «Вы все не готовы... Ну, как я вас оставлю! А меня давно, давно Господь зовет к Себе... И живу здесь и страдаю, задыхаюсь по вашей вине: такими я вас не могу оставить... Почему ты, например, не готова? Вот я умираю, мог бы и тебя взять с собой. Ты хотела бы со мной пойти?» «Батюшка, и я, и я хочу с Вами!..» Но Батюшка серьезно ответил: «Нет, такую я тебя взять с собой не могу. Ну, куда ты годишься! Говорил я тебе, говорил, а ты все меня не слушаешься. Вот видишь, о. Лазарь в два года сумел себя подготовить! Правда, ты со мной была один год, но и этого достаточно. Ты пришла ко мне в самое хорошее время. И года было достаточно... Но ты меня не слушалась, теперь вини себя: я тебя оставляю». И Батюшка плакал, плакал. «Сама виновата, – говорил, – а ты не обращала внимания на мои слова... А было так просто: только слушаться! Как тебе без меня будет трудно!»

Старческие советы

Когда бываешь в чужом доме и подают скоромное, не следует отказываться и тем осуждать других. У меня отец был близок к митрополиту Филарету, и вот было так: митрополит Филарет часто бывал у одного там... Раз приходит как-то, застал обед, а пост был. Хозяин сконфузился, не знает, как быть – пост, а у него курица, что ли, там... А митрополит Филарет подошел к столу, и сам попробовал все... Вот как *они* поступали.

Апостол говорит: «Исповедайте друг другу согрешения». Мы должны делиться друг с другом переживаниями, разгружать друг друга, брать на себя груз других. Ведь горе, рассказанное другому, уже полгоря. Поступая так, мы совсем забудем свое «я», оно перестанет мучить нас, и когда это будет, тогда мы встанем на верную дорогу, подойдем ко Христу. Ведь вот у меня мать, несмотря на то, что нас самих было шесть человек в двух комнатах, когда у нее умер муж ее сестры, она, не задумываясь, берет 5 человек сирот и относится к ним даже лучше, чем к нам. Эта любовь, этот пример на всю жизнь на меня подействовали. После, когда отец поступил на службу, имел большую квартиру, все-таки у нас всегда было полно народу – и братья, и сваты и все; и все всегда находили приют, шли и знали, что будут успокоены, всегда принимались с радостью, так что я, оканчивая курс ученья, не имел отдельной комнаты, приходилось ночью вставать, чтобы готовиться к ответу. Но это все дало мне хороший пример на всю мою жизнь. Жизнь с народом, в народе – моя душа, я счастлив здесь. Не могу видеть, когда кто плачет, у кого какое горе, стрелой летишь туда, хочется с ним вместе плакать. Всем этим я обязан моей матери.

Все наши встречи не случайны. Господь сводит нас с тем, чтобы мы воздали должное людям, окружающим нас. Он как бы говорит: «Вот твоя земля, твой участок, твоя нива, возделай ее. Если тебе не воздаст он должного, ты не суди его. Я пошлю тебе другого, он воздаст тебе должное, а его Я обращу и так мудро, что он придет ко Мне и не погибнет, ибо Я пришел спасти, а не судить мир. Окружающие люди, вот где ты должен трудиться».

Христос разгружал всех, и мы должны обращать внимание на других.

Молитесь, – говорил он, – утром и вечером, представляйте себе, что вы стоите перед Господом; это заставит вас и днем чаще обращаться ко Господу с сердечной молитвой. Как какой соблазн, какой случай ко греху, вспомните: а как же я вечером буду молиться, какими глазами взгляну на икону? – и вам захочется удержаться от греха, и днем чаще будете сердечно обращаться ко Господу: «Господи, помоги мне», «Владычице, помоги мне быть Твоим чистым сыном или дочерью». А потом эта работа над собой, эти труды вас так завлекут, что вы не будете уже жалеть, что вы не устроились замуж... И куда бы вы ни пришли, везде будет хорошо... Может быть, и в монастырь вас кого-нибудь Господь благословит, и туда вы придете уже готовые, и там будете солнышками, которые всех согревают, всех объединяют».

Так как молитва «Отче наш» есть сокращенное Евангелие, то и подходить к ней нужно с должным приготовлением.

Ты расстроен, он расстроен, все расстроены... А Христос о Своем расстройстве никому не говорил, всех утешал только.

Любовь приобретается путем работы над собой, путем насилия над собой и путем молитвы. Как подойти к Господу? Чаще размышляйте о том, что сделал для меня Господь и что Он делает – и что я для Него сделал, и будет стыдно взглянуть на Крест, на образ Господа: ведь я недостойный... Ты пролил за меня Свою Кровь, а я стою ли того?..

Господи, Иисусе Христе, Спаситель мой Милосердный, я иду к Тебе, и вот я весь перед Тобою, каков я есть. Возьми меня. Я ничего, ничего не сделал в жизни своей для Тебя... Я – не готов и никогда не буду готов; но я говорю вот что – я всю мою жизнь и до последнего дня моего, я, сколько было сил и выше сил своих, старался делать все по совести. И совесть моя чиста, она ни в чем не укоряет меня. Вот я весь перед Тобой с моими немощами, весь во грехах. И таким я иду к Тебе, надеясь и веруя в Твое неизреченное милосердие.

Праведный Алексий МЕЧЕВ

Печатается по книге «ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексия Мечева», Москва, Серда-Пресс, 2000

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Глава 8
Из воспоминаний духовного чада
(часть 6)

Когда Батюшка шел на службу, у него в кармане было множество пятаков. Однажды идет и перегибается на одну сторону. Спрашиваю:

– Батюшка, Вам плохо?

– Да нет, – говорит, – это милостыня меня тянет.

– Какая милостыня?

– А вот посмотри: у меня тут 20 килограмм пятаков. Мне сейчас сестра наша, местная, наменяла и принесла.

– Батюшка, а зачем они Вам?

– Как зачем? Раздавать милостыню. А еще приезжают ко мне духовные чада из России, и я их благословляю по святым местам. А им, знаете, сколько надо в метро проехать? Вот я им и даю пятачков.

Отец Виталий говорил, чтобы мы каждый день по одной копейке давали в церковь. Или можно за неделю положить 7 копеек на храм.

Как-то раз Батюшка спрашивает: «Что вы думаете, когда к вам приезжают гости?» Мы начали говорить одна одно, другая другое. А он: «А я всегда думаю: «Что бы им дать?» Они только на порог, а я думаю, чем бы их угостить, что бы мне им подарить, какой им дать подарок с собою? Так и вы старайтесь никого из людей не отпускать без ничего. Хоть что-нибудь давайте, хоть малую милостыню».

Он постоянно воровал у матушки Марии прищепки. А матушка не знала об этом и все время говорила: «Сестры, ну что это такое – куда вы деваете прищепки?!» А мы покрывали Батюшку: «Матушка, простите: то ломаем нечаянно, то теряем, то еще что». Она и не догадывалась, что Батюшка брал прищепки и кидал их за забор. Или же просил одну из матерей, чтобы, когда выносит мусор, положила где-нибудь. Потом эти прищепки забирали посторонние люди или нищие. Батюшка так делал для того, чтобы шла милостыня хоть чем-нибудь – даже прищепками. «Раздавать можно любую милостыню, – говорил Батюшка. – Если есть непригодная одежда, постирай, разорви на тряпки и отнеси в магазин, отдай уборщице – вытирать окна». Один раз он нам показал женское платье все в заплатах и сказал: «Посмотрите, что мне прислала одна старенькая мать. И я рад, что могу кому-то дать милостыню».

Как-то к Батюшке пришли две пожилые матушки. Он поговорил с ними, а когда они собрались уходить, дал гостинцев и продуктов столько, сколько было им по силам унести. Где-то через час после этого приехала из деревни машина – привезли нам капусту и картошку. Когда мы носили пожертвования во двор, Батюшке не разрешали таскать тяжести, но он украдкой все равно старался подать, помочь. И все спрашивал у нас: «Вы что-нибудь поняли?» А потом объяснил: «Мы дали немножко, а Господь сразу же воздал сторицею. Так и вы поступайте».

Однажды на работе у меня высчитали 20 руб. из зарплаты «ни за что». Приехав в очередной раз к отцу Виталию, пожаловалась на это ему и матушке Марии. А они сказали: «Это с тебя Бог высчитал за то, что мало даешь милостыни».

Одна раба Божия подходит и говорит: «Батюшка, у меня одно яблоко, а я хочу дать и за умершую маму, и за умершего брата, и за других. Всех жалко, а яблоко только одно. Как мне быть?» А он отвечает: «Ты дай одно яблочко за всех, а на небе будет всем по яблочку».

Когда он нам давал на дорогу просфорки, они были замотаны в тонкую бумагу размером с альбомный лист и красиво увязаны веревочкой. Дома распечатаешь этот подарочек, а там денежка – или 25, или 10, или 100 рублей. Одна раба Божия получила просфорочку и не хотела разматывать – жалко было: так красиво увязано. Через год все же открыла, а там сто рублей уже шашелью[1] побито.

Отец Виталий старался воспитать в нас безпрекословное послушание. Раз он спрашивает одну пожилую сестру: «Ты бы могла надеть консервную банку, пойти в ней в церковь, снять ее, постоять на литургии, потом выйти из церкви, снова надеть консервную банку и прийти домой?» Она отвечает: «Нет, Батюшка, Вы что – смеетесь? Я такого никогда не сделаю». Отец Виталий только головой покачал: «Да-а-а...», – и больше ничего не сказал.

Как-то отец Виталий рассказал нам одну притчу: «У одного отца много было детей. Однажды на него напали разбойники и стали его бить. А дети услышали и прибежали: кто с вилкой, кто с топором, кто с ножом – кто с чем. Побили этих разбойников и освободили отца... Вы что-нибудь поняли?» Мы отвечаем: «Нет, Батюшка, ничего не поняли». Он говорит: «Отец – это я, отец духовный.

---

[1] молью

> *При труде и всяких делах читать Иисусову молитву. От того что ссоритесь, молитва улетучивается и рождаются плевелы, блудные помыслы.*
>
> *Кто читает Иисусову молитву, того спасет Господь, избавит от печати антихриста, подаст всепрощение согрешений, украсит добродетелями и в небесные Обители водворит.*
>
> *Из писем схиархимандрита Виталия*

А дети – это вы все. Мне помогают ваши молитвы. Но кто как молится: у кого на нож хватает, у кого на топор, у кого на вилы. Эти ваши святые молитвы и ограждают меня».

Одна раба Божия вместе с другими чадами приехала к Батюшке очень богато одетая, и их благословили поездить по святым местам. Дело было летом. Отец Виталий дал ей длинное старенькое платье, подвязал бельевой веревкой, одел старенькую косынку, дал ей палку в руки и отправил в таком виде на автобусе, на метро по святым местам с другими матерями. Вечером они возвращаются – та сестра умиротворенная, благодатная. Подходит к Батюшке и просит: «Батюшка, благословите меня все раздать. Сколько у меня дома шуб, полушубков, сколько всякой дорогой одежды!» А Батюшка ей отвечает: «Мы помолимся и завтра тебе скажем». А наутро говорит: «Нет, ты в течение года все раздай, а сразу не надо».

Помню, летом был на Дидубе ремонт. Везде побелили, расставили вещи по местам. Я осталась в келии вытирать иконы. Беру самую большую и, забыв обо всем, читаю на обратной стороне длинную надпись. Внезапно входит матушка Мария: «Вот это да! Это что за любопытство?! Смотри, а то больше сюда никогда не приедешь!» У меня в то время были сплошные искушения, я делала все наоборот, и матушка аж семь раз сказала мне эти страшные слова. Батюшка молчал – видно, молился, чтобы выдержала испытание. Я переживала, будто меня лишают всего в жизни.

Приехав в следующий раз с сестрами, с трепетом подходила к калитке, дрожала и душа, и тело: а вдруг не пустят?!... Но получилось, как у блудного сына: и Батюшка, и матушка были – сама любовь. А у меня слезы радости и благодарности лились ручьем...

Приехала я как-то с другими духовными сестрами к Батюшке недельки на две. С нами так хорошо обращались, отец Виталий столько нам наставлений дал, что мы как на крыльях оттуда улетали. Едем мы обратно в поезде все вместе, но разговаривать совершенно не хочется – такая благодать была, что, кажется, только откроешь рот и весь мешочек с благодатью тут же из тебя и выскочит. Душа была переполнена. Приехали домой. Там, конечно, сразу расспросы: «Вы приехали! Ну, рассказывайте, как вы были у отца Виталия, что там говорил Батюшка, куда вас благословляли, где вы были?» – разговор за разговором... А через несколько дней снится мне сон: Батюшка подходит ко мне и говорит: «Ой, дочка, как ты похудела!»

Девять дней после смерти отца Виталия. Духовные чада у его могилки.

Однажды стояли мы во дворе. Вдруг отец Виталий нас зовет: «Идите сюда!» Там росло дерево, которые называлось «королек» – это как хурма, только маленькая. Батюшка говорит: «Вот посмотрите внимательно на это дерево: видите, какие у него листочки?» Мы посмотрели: листочки, как листочки. Он говорит: «Да вы посмотрите: видите дырочки на листочках? Значит, это съедобное дерево. Когда придет время и настанет голод, – мы все переглянулись, – тогда надо кушать травку, кору, листья, веточки с тех деревьев и кустарников, которую едят насекомые. А которые стоят нетронутые – те ядовитые».

Еще отец Виталий поучал: «Если в селе находится хотя бы один больной, то ради этого одного больного благословляется все село. Когда этот больной умирает, то за его болезнь, за страдания ему на том свете даются крылья. А тот, кто ухаживает за больным, на том свете будет ходить по головкам цветов».

Батюшка говорил, что есть у нас пять матерей: Божия Матерь, Мать-земля, родная мать, крестная мать и духовная мать, которая дается при постриге. Объяснял, какие бывают поклоны: головной, поясной, земной и припадательный – крестом падать на землю. Рассказывал, что делал его, когда был в пустыни. Батюшка учил, что надо всегда держаться правой стороны и одеваться с правой руки и с правой ноги. Говорил, что, живя в пустыни, они перешивали пуговицы на фуфайке с левой стороны на правую. Еще Батюшка наставлял нас, что утром, как только проснешься, в постели нужно крестить части тела.

Отец Виталий очень много поучал, но многое не запоминалось, слушали рассеянно, не доходило, а он говорил: «По жизни все будет приходить на память, все вспомните».

Много раз мне хотелось подстричь свои волосы, потому что они выросли уже ниже колен, и все время у меня были с ними проблемы. Сколько раз я приступала к матушке Марии, к отцу Виталию – не благословляли. Как-то матушка собиралась ехать к Святейшему – поздравлять его с каким-то праздником. Я прошу:

– Матушка Мария, спросите, пожалуйста, благословения: может, хоть Святейший благословит мне немного подстричь волосы?

– Ну, хорошо.

Жду с нетерпением. Приезжает матушка:

– Надюшка, радуйся! ... Не благословил Святейший!

Я – в слезы:

– Почему, матушка?!

– Святейший сказал: «Я как-то подстриг себе волосы и мне приснился какой-то Владыка. Он сказал, что это благодать – не надо было обрезать. Так и вы сестре своей передайте, чтобы терпела».

Однажды отец Виталий с мать Марией приехали с Московского проспекта на Дидубе. Матушка захо-

дит к нам в келью, и вижу: она такая уставшая-уставшая. А было утро. Я возьми да и спроси: «Матушка, а что у Вас синяки под глазами? Вам плохо?» Она посмотрела на меня и ничего не сказала. А сестра, что была рядом со мной, стукнула меня в бок. Я думаю: «А что я плохого сказала?» Потом матушка ушла, а сестра и говорит: «Как ты могла такое сказать?! Надо быть очень осторожным в словах», – и сильно меня отругала. Спрашиваю: «А что?» Оказалось, что они с отцом Виталием всю ночь не спали, служили литургию. Они на Московском частенько служили, но нам, молодым, об этом не рассказывали, тщательно скрывали, и знали об этом только пожилые матушки.

Для меня отец Виталий был и мамой, и папой. Великий и опытный был старец. Подражая своему святому, сколько душ он привел ко спасению – невозможно все описать. В трудностях житейских зовешь Батюшку, пожалуешься мысленно – смотришь: легче стало.

Его смерть была, конечно, очень сильным ударом. В тот день у меня от боли раскалывалась голова, и я не могла найти себе места. А было это, оказывается, именно тогда, когда Батюшка умирал – в 7 часов вечера. Я ходила из комнаты в комнату и думала: «Ну, что это такое? Просто нет сил!» – и пила одну таблетку за другой. А на следующий день нам сообщили, что отца Виталия уже нет. Как раз перед этим моя мама с нашим священником (он тоже знал отца Виталия) поехали в Тбилиси к Батюшке проведать его. А когда они туда прибыли, на вокзале их встретили водители и сказали, что отец Виталий уже стоит в храме в гробу.

Мы дома, получив телеграмму, быстренько собрались и поехали в Тбилиси. Нас было девять человек. Все больные, с гриппом, с температурой! Надели черные платки. В Грузии тогда уже шла война, было очень тяжело туда проехать, билетов не возьмешь. Мы сказали, что нам на похороны, плакали, боялись, что не успеем: «Ну, пожалуйста! Мы любые деньги заплатим, только дайте нам билеты в сторону юга на любой поезд!» Ехали мы почти трое с половиной суток. Как мы умоляли проводников, чтобы поезд долго не стоял, но кто нас слушал?

Приехали, добрались до храма, приходим – там уже никого нет. И какая-то матушка говорит: «А Батюшку уже похоронили! Вон его могилка». Мы – в крик. Это надо было видеть, и слышать. Мы, наверное, на всю Грузию кричали. Упали на могилку, плакали навзрыд. Мать, которая была со мной рядом, говорит: «Грызи землю, грызи». А я только кричала: «Батюшка! Батюшка! Батюшка!» – и все. Сто раз, наверно, кричала: «Батюшка!» – и ела землю. Нас все, кто там был, успокаивали: «Да перестаньте». Потом кто-то сказал матушке Марии, что приехали 9 человек и плачут у Батюшки на могилке. Она пришла вместе с моей мамой. Мама подошла ко мне: «Надя, перестань, не кричи». А мать Мария говорит: «Оставьте ее, пусть». Долго мы лежали на могилке, кричали, плакали... Оказалось, что мы не успели всего на три часа! На три часа! Да, отец Виталий для меня – это все! Тяжело сейчас без Батюшки, очень тяжело!..

Прошло сколько-то времени. Снится мне сон, вроде бы я вместе с какими-то женщинами и мужчинами что-то делаю на улице под открытым небом. Гремит гром. Все в страхе начинают спасаться, разбегаться. А я смотрю на небо и вижу: будто две звездочки показались. А было это вроде бы днем. Потом они стали расти, расти, увеличиваться. Вижу – приближается к земле что-то золотое. А потом смотрю – это отец Виталий и матушка Мария спускаются с неба в розовых священнических ризах! Отец Виталий с посохом. Стал на землю и сразу, ни слова не говоря, пошел посохом стучать, везде, все проверять. А матушка Мария села на железную кровать, на сено и вздыхает: «Надюшка, как мне тяжело!» А я вроде бы падаю на коленочки и плачу: «Матушка Мария, меня к вам не пускают!» Она отвечает: «Я знаю». Я говорю: «Матушка Мария, я так хочу обрезать волосы!» – и во сне этот вопрос меня безпокоил! Она отвечает: «Нет благословения»... И тут я проснулась.

При жизни отец Виталий все время отсылал меня к матушке Марии:

– Иди к сестре Марии.

– Ну, Батюшка! Ну, послушать же хочется!

– Иди к сестре Марии, ей тяжело.

Из писем схиархимандрита Виталия

Возлюбленные радосте наши, родные и о Господе присные!

Да поможет и благословит Вас Господь Своими великими и богатыми милостями, подавая помощь свыше от Отца Светов. Вы Господеви приносите: смиренное послушание, за все благодарение и в радости и в скорби возлагайтесь на Промысл Божий. Всегда молитесь, главное не ссорьтесь. Я вот по затыльнику получаю, а ежели бы сего не было, то рога бы выросли: своеволия, самонадеяния, хвастовства, высокоумия. Видите, каждому человеку надо поклониться, чего я не делаю. Молчание нарушаю криком. И что строится, от многословия распадается, надо каяться, рассказывать грехи всем, хотя бы так: поклонясь до земли, сказать: простите. В детстве мать учила, затем старцы велели, а я загрязнился непокорностью завета Божия. Да будет Вам помощь от Господа, Ему слава. Аминь.

Всем Вам у родителей брать благословение, которое оградит аки Божия стена. Целуем стопы Ваши, кланяемся, благодарим, простите, молимся.

О молитве за ближних

О молитве за мир

ВОПРОС: Как можно молиться за ближних, чтобы это была краткая, но действенная молитва?

ОТВЕТ: Если кто имеет желание вознести молитву за всех, кто в этом нуждается, то по этому поводу могу привести один поучительный пример из жизни моего духовного брата Давида.

Давид говорил, что когда он был еще в миру и только-только начинал молиться Господу, то думал: как можно молиться за ближних? За своих близких – это понятно. А как можно молиться за весь мир? В какой форме? Как это угодно Богу? «Я, говорит, начал просить Господа: "Господи, вразуми, помоги". И вот однажды пришел в храм, стою, молюсь. Служба еще не началась. В это время заходит старушка – такая благоговейная – и прикладывается к иконам. Делает поклон у иконы и говорит: "Помяни, Господи, всех, милости Твоея чающих и Тя призывающих!" Я послушал-послушал и думаю: какие глубокие слова!»

И действительно – насколько мудро и всеохватывающе это малое прошение: «Помяни, Господи, всех, милости Твоея чающих и Тя призывающих»! Ведь милости Божией чают люди даже и неверные – те, которые не верят в существование Бога, но все-таки временами колеблются при мысли: а если все-таки Бог есть, то как бы Он помиловал и меня – и здесь, и в вечности, если она все-таки будет…»

Следовательно, этим словом «милости Твоея чающим» охватывается множество людей: от Господа чают милости все, кроме тех, кто уже имеет богопротивление и богоборчество в какой-то сознательной форме, более исступленной и безумной. А остальные люди, хотя даже и атеисты, и коммунисты по воспитанию, и прочие заблудшие души – они все-таки внутри себя чают какой-то милости от Бога. И именно таким прошением, что «помяни, Господи, всех тех, кто находится в заблуждении, но все-таки внутри, в своей душе чает какой-то милости от Тебя», охватываются миллионы и даже миллиарды людей. И,

получая Божию милость, они уже начинают приближаться к Богу.

Второй фразой – «и Тя призывающих» – охватываются люди, которые уже познали, что Бог есть, и Его как-то призывают: в большей или в меньшей степени, чаще или реже, в Церкви или даже вне Церкви (потому что хотя они еще и не воцерковились, но все-таки они уже обращаются к Богу).

Таким образом, сим кратким молитвенным прошением охватывается почти весь мир.

ВОПРОС: А можно ли молиться за весь мир? Ведь мы люди грешные. Тут бы лишь себя да своих родных вымолить…

ОТВЕТ: Все мы, христиане, присутствуем в храме за богослужениями. А там ежедневно совершается молитва «о мире всего мира». И какие бы мы не были: окаянные, прокаженные (в духовном смысле), уродливые, но мы, если присутствуем в храме, должны живо участвовать в этой молитве. А это уже и есть наше возношение о всем мире, потому что мы прилагаем свою душу в словах «Господи, помилуй!»

ВОПРОС: Ну, это в храме. А келейно?

ОТВЕТ: Келейно – это уже каждый должен поступать по требованию своей совести и в совете с духовником. Если совесть понуждает: «Что же ты молишься только о своих близких? Господь-то промышляет о всем мире», – молиться можно. Но, конечно, **смиренно**, познавая свое ничтожество и недостоинство.

А неправильная молитва о всем мире может быть тогда, когда, скажем, человек пытается подвизаться, и у него уже появились какие-то чувства: плач о своих грехах, более внимательная молитва. Но при этом он не сумел пребыть в смиренномудрии и самоосуждении, а незаметно уклонился в самомнение и самоцен. Враг тут же начнет искушать его гордыми мыслями о себе. Тогда вполне могут прийти помыслы: «О! Мне уже надо молиться о всем мире!»

Внушение это надо очень тщательно исследовать: когда оно пришло? Если это побуждение пришло хотя бы с малейшим тщеславием или духом превозношения, что «я уже чего-то достиг, потому я теперь уже могу молиться о всем мире», нужно знать: диавол на этом запнет и будет бить, будет «мутить» и, в конце концов, втолкнет в какую-нибудь яму. Потеряет такой человек и молитву, и

слезы, и все прочее. Так что очень большое значение имеет **побудительная причина** – первый помысел, когда он засеялся. Поэтому на сугубую келейную молитву за мир необходимо испрашивать **благословения духовника**, т.к. бывали случаи, когда брались молиться о мире, а потом падали.

Помню, лет 25 назад среди нашего братства произошел такой случай. Был праздник Успения Божией Матери (по праздникам мы обычно сходились на совместную молитву в небольшой часовенке). И вдруг после службы один брат начал прямо вслух, сильно, с вдохновением, молиться о всем мире: «Господи, помилуй мир! Господи, помилуй мир! Мир в таком состоянии! Помилуй мир!» Я послушал его, и что-то меня насторожило. Такая молитва – она мне показалась странной: как бы не внушалась она страстью миролюбия (т.е. міролюбия). Потом этот брат еще два-три раза высказывался в подобном духе, выявлял свою «молитву о мире». Она меня насторожила еще больше. А через некоторое время он все бросил и ушел в мир. Женился раз, потом второй, потом третий…

Вот такие бывали случаи. Поэтому нужно тщательно исследовать побудительные причины молитвы за мир.

Можно ли (и как) молиться за всех, о ком просят?

ВОПРОС: Приходилось слышать большие разногласия по поводу: молиться или не молиться о людях, если они просят молитвенной помощи за себя и за своих близких? Дело в том, что некоторые отговаривают друг друга от такой молитвы на том основании, что якобы «мы слишком немощны, а нападения слишком сильны», и рассказывают, какие искушения им после этого были. Ведь обычно просят молиться за кого? Один отступил от Церкви, другой – наркоман, третий – алкоголик… И у всех такая скорбь! Люди рассказывают, и скорбишь вместе с ними, а вот помолиться… Иногда начнешь, но боишься, потому что у тебя свои какие-то страсти, немощи, несовершенство. И не знаешь, как правильно поступить…

ОТВЕТ: Вся беда в том, что мы забыли, что во всех случаях жизни мы должны руководиться Христовыми заповедями, должны уподобляться Христу. Потому и возникают у нас такие недоумения, смущения, запинания.

Господь сказал: «*Просящему у тебе – дай*» (Мф. 5, 42). Потому если даже мы и сознаем себя крайне ничтожными, крайне падшими, крайне немощными, но если уж, действительно, нас кто-то просит: «Помолись за меня!» – нужно сказать: «Господь Бог да помилует нас обоих». Это значит, что мы не ставим себя выше его (что мы вроде бы лучше его). А «помяни, Господи…» можно и молча (про себя) сказать. Можно помолиться так: «Господи, помоги рабу Твоему… (или рабе Твоей…) и святыми его молитвами и меня окаянного помилуй!» Вот и все – в этом нет ничего особенного. Хотя бы даже **так** сказать – мысленно или вслух, но нельзя вовсе отринуть этого прошения, потому что мы не знаем скорби и веры просящего.

В данном случае мы должны поступить по заповеди: «*Просящему у тебя – дай*» (Мф. 5, 42). Ибо, по слову Священного Писания, какой мерой будем мерить мы сами, такой возмерят и нам.[1] Если мы не ответим сердечным состраданием на скорбь ближнего, не возопием ко Господу хотя бы краткой молитвой, то когда и у нас случится скорбь, и мы будем кого-то о чем-то просить, нас тоже не послушают.

Так что это нужно запомнить раз и навсегда. А уже браться кого-то «тянуть», вымаливать – это совсем другое дело. Чтобы начать вымаливать конкретного человека с конкретной страстью (например, со страстью неверия или пьянства) – для этого нужно взять благословение у духовника, который нас знает и может дать совет, как нам подобает поступить и как мы должны молиться. Тогда уже будет покрывать благодать благословения на это дело.

Нужно еще сказать, что очень большая проблема в этом отношении возникает у нас от неправильного образа мыслей. Мы обычно думаем, что **мы** кого-то вымаливаем. А ведь **не мы** вымаливаем этого человека, но **Господь его спасает**, как и нас. Распявшись за всех, Господь взял на Себя грехи всего мира – начиная от Адама и кончая последним человеком, который будет жить на Земле. Грехи всего мира **уже** искуплены Кровию Христовой. И потому **не мы** вымаливаем, **не мы** вытаскиваем, **не мы** этому человеку помогаем, а Христос помогает, извлекает его изо рва страстей и спасает. Мы же только – как соучастники Христовы в деле извлечения этой души. И если мы испытываем какое-то бесовское наваждение, то это по причине, что Господь дает нам ощутить это соучастие. И в этом – проявление нашей любви ко Христу и к человеку.

Мы же этого не понимаем и не хотим ничего такого понести, и потому как бы отделяемся от Тела Христова (потому что Церковь есть мистическое Тело Христово, Христос – глава, а мы все – члены). Христос ради любви к роду человеческому взял на Себя грехи всего мира, понес всю их тяжесть, а мы не хотим понести даже и малого. Хотя это – лишь ничтожное обозначение **той** тяжести… Очень редко Господь попускает нам это… А если и попускает чуть-чуть, то для того, чтобы мы поняли, что и мы должны принять участие в Христовых трудах по избавлению этой души от ада преисподнего. «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*», – сказал Господь (Ин. 15, 13). Посему не должно нам ужасаться искушений от бесов или людей – но смиряться, терпеть и мо-

[1] Ср.: Мф. 7, 2.

литься, познавая свою немощь и сочувствуя ближним.

Однако, говоря об этом, нужно отметить, что часто такие искушения **отнюдь не бывают связаны с молитвой за кого-то. Зачастую мы сами себя искушаем: сами впадаем в какие-то страсти, а думаем, что это произошло потому, что мы за кого-то помолились** – вот в чем дело. И это будет 95% от всех таких случаев.[2]

Но иногда, действительно, бывает. Особенно, когда идет однообразная жизнь в обычном порядке, и вдруг видишь, чувствуешь, что появилась какая-то брань особого рода. Тогда уже идешь, исповедуешься и спрашиваешь: «Как мне быть? Продолжать ли мне молиться за этого человека или оставить на время?» Но это не значит, что оставить совсем. Просто Господь показывает в данном случае: по твоей немощи, для твоего смирения, тебе надо знать, что ты еще сам подобострастен этому человеку. Хотя ты и молишься за него для избавления его от какой-то страсти, но, тем не менее, ты сам немощен и должен понять, что и его, и тебя спасает и несет на Своих плечах **только Христос**. А не то, что «я сам твердо стою, потому могу вытащить и другого». Нет, никто из нас не устоит, если не будет с нами благодати Святого Духа, если не поможет нам Подвигоположник Христос, Который победил диавола и все его козни.

[2] Поскольку это большая отдельная тема, то касаться ее мы пока не будем (прим. автора).

Вот именно с этими чувствами – смирением, любовью и состраданием – мы должны относиться к нашим ближним. По чувству сострадания мы должны молиться за людей даже тогда, когда нас об этом никто и не просит. Скажем, увидели мы в церкви (или в монастыре, или на улице): кто-то сказал или сделал что-то нехорошее – мы должны помолиться об этом человеке Христу. Я не говорю, что нужно начинать читать за него Псалтирь, но хотя бы одну фразу сказать, хотя бы один вздох сердечный вознести: «Господи, помоги ему! Избави его от сетей вражиих, имиже веси судьбами устрой его спасение и святыми его молитвами и меня окаянного помилуй!» – и это уже будет молитва. Ведь мы должны понять, что мы – сотелесники Христовы: как и Апостол говорит, что все мы – тело Христово. Потому нам не должно оставаться безучастными к страданиям ближних, а нужно как-то им помогать – хотя бы молитвой, если не чем-то другим. Это – наш христианский долг.

Но только чтобы не было самонадеяния – чувства, что «я лучше других, я уже чего-то достиг». Потому что именно **за это** чаще всего мы и страдаем (Господь попускает, чтобы мы осознали, что мы **не лучше других**). Только мы этого не осознаем, а думаем, что искушение пришло за что-то другое. А если будем благоразумны, то даже и в этом случае – мы просто смиримся, попросим у Господа помощи и избавления – и все. Претерпим это, окажем любовь к ближним, помолимся о них и сами приобретем смирение. И если случится, что сами мы когда-нибудь попадем в какую-то яму, то и за нас кто-то помолится.

А если мы приобретем **иное свойство** – навыкнем **не сострадать** нашим ближним, то с нами может получиться так, как это было показано в одном видении…

Ангел вытаскивал одну такую самолюбивую душу из ада – ее вымолили родственники. И когда он ее поднимал, за нее начали хвататься другие души. Видя такое дело, самолюбивая душа пришла в негодование, начала кричать и стряхивать тех, кто пытался за нее ухватиться: «А ну отцепитесь! Это меня только вытаскивают, а не вас!» И когда она отряхивала других, то и сама оборвалась и полетела обратно в адскую пропасть…

Этот случай наглядно показывает нам, что если мы не приобретем сострадания, то мы просто-напросто не сможем попасть в Рай. «*Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить*» (Мф. 7, 2). Если мы не будем сострадать ближним, то, следовательно, и сами мы лишимся сострадания – и от людей, и от Бога.

Вот какой это существенный момент в деле нашего спасения. Поэтому каждый человек за время своей земной жизни обязательно должен научиться сострадать подобострастным ему людям. Сострадать с сердечной скорбью, без уничижения, без осуждения, а именно с той мыслью, с тем внутренним чувством и расположением своей души, что **«Христос пришел на землю грешников спасти от нихже первый есмь аз»**.

МЫСЛИ СВЯТЫХ ОТЦОВ

– Иногда просят помолиться, а я за себя-то молиться не могу?

– Не отрекайтесь от молитвы за других под предлогом опасения, что за себя умолить не можете, – опасайтесь, что о себе не умолите, если за других молиться не будете.

Святитель Филарет, митрополит Московский

Если мы будем возносить молитвы за обижающих и оскорбляющих нас, тогда будет услышана и молитва наша за нас самих.

Надобно молиться за врагов, хотя бы они много оскорбляли вас. Если мы не будем делать этого, то неизбежно погибнем…

Молиться Богу о вреде врагам, значит оскорблять Бога.

Святитель Иоанн Златоуст

Оставь все человеческие мнения и недоумения, и молись за сестру по совету Аввы Дорофея: «*Помози Господи, якоже веси, рабе Твоей, такой-то, и меня грешную помилуй. Хощеши бо всем спастися и в разум истины прийти*».

Молись и за оскорбляющих тебя сими словами: «*Спаси, Господи, такую-то... и молитвами ее помилуй и меня грешную*». Особенно молись так во время сильного смущения. Хорошо при этом полагать великие поклоны, если позволяет место.

Когда усердно молишься, то так и смотри, что искушение будет. Это и со всеми случается.

Преподобный Амвросий Оптинский

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

18 мая 2004 года указом правящего архиерея Липецкой и Елецкой епархии, преосвященного епископа Никона (Васина), создана Комиссия по канонизации. Состоялось первое ее заседание, намечен план работы. Среди прочих задач, определенных этим заседанием комиссии по канонизации, есть и такая – собрать материалы и составить жизнеописание чтимого в Липецке блаженного Ивана Васильевича Васильева. Эта работа уже начата.

Текст жизнеописания мы планируем публиковать на страницах «Задонского паломника» по мере его подготовки, надеясь на помощь и совет наших читателей, возможно способных что-то добавить к уже имеющимся сведениям о земном житии старца Иоанна. Сегодня – первая из предполагаемой серии публикаций.

В Липецке, на так называемом «кладбище Трубного завода» похоронен человек, для липчан, по светскому счету, совсем чужой — родился на Псковской земле; родственников, не то что близких, а и дальних здесь не имел. И все же не забыта скромная его могила. Ибо куда прочнее уз родства по крови узы, сродняющие благодатию Духа Святого, когда едиными, вне времени и расстояний, становятся сердца, *озаренные светом, просвещающим нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа* (2 Кор. 4, 6).

А потому и считают своим опочившего еще в 1966 году Ивана Васильевича Васильева не только те, кто знал блаженного старца при жизни, а и те, кто родился и вырос уже после того как покинул он мир сей. И идут они со своими бедами, болями и скорбями к месту нынешнего земного пристанища «дедушки Иван Василича», надеясь обрести здесь, по молитвам его, помощь и утешение, на которые при жизни был так щедр старец Иоанн. Утешитель скорбящих и наставник ищущих пути ко спасению, был он *тих среди нас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими* (1 Фес. 2, 7).

Приходящие к могилке блаженного верят, что добрый и благочестивый этот молитвенник, чье сердце при жизни наполняла неистощимая любовь к ближним, и ныне не забыт у Господа. Укрепляют же их в вере этой с каждым днем множащиеся подтверждения того, что не тщетны упования на молитвенную помощь старца Иоанна.

Пришло, видимо, время извлечь светильник сей из-под спуда и восставить на престол достойный, дабы впредь пребыл он рядом с теми уже прославленными святыми, кто своей жизнью являл пример служителя Божия, по словам апостола Павла: «*В великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке...*» (2 Кор. 6, 4-7).

В земном житии Ивана Васильевича Васильева мы найдем все то, что звучит в словах апостольских. Хоть и был он мирянином, но в суровые годы заявленного коммунистическим государством безбожия и благочестивый мирянин становился служителем Божиим – ибо так бывало, что некому

Автор первых публикаций о блаженном Иване Васильевиче — липецкий журналист Е. А. Федерякин у могилы старца.

более было донести слово Истины до жаждущих хлеба Христова.

Откуда же можем мы ныне почерпнуть сведения о житии старца Иоанна? Преимущественно – из воспоминаний его духовных чад. Сподобившиеся быть рядом с блаженным, и ныне, спустя десятилетия, хранят о нем живую память. Некоторые же из них, ныне почившие о Господе, оставили записи своих бесед с Иваном Васильевичем.

Так, например, в течение многих лет сохраняет заветную тетрадку с записями, сделанными Галиной Васильевной Незведской, жительница города Липецка Лидия Константиновна Тихонова. По воле Господней вошла она в дом, где жил старец Иоанн, в третью годовщину христианской его кончины. И с тех пор не разлучалась более с теми, кто близок был блаженному при жизни, а после его кончины не свернул с заповеданного им пути последования Христу и верности Церкви Православной, невзирая на гонения и притеснения со стороны государства.

Именно на записях, сделанных Г. В. Незведской и устных рассказах Л. К. Тихоновой, сохраняющей в памяти немало различных повествований об обстоятельствах земного жития старца Иоанна, слышанных ею от знавших его лично, основаны были первые публикации о блаженном в прессе. Принадлежат они перу внука Тихоновой – липецкого журналиста Е. А. Федерякина. В 1998 году Евгений Анатольевич, литературно обработав услышанное от бабушки и взятое из записей Незведской, рассказал читателям газеты «Липецкое обозрение» (№ 7) о блаженном старце Иване Васильевиче. За этой первой публикацией последовали еще несколько, использовавших в основном тот же материал.

В июне 2000 года на страницах липецкой газеты «Добрый вечер» увидело свет «Житие блаженного Иоанна Васильева, старца Липецкого (1886-1966), местночтимого подвижника благочестия Воронежско-

Липецкой епархии», составленное настоятелем Древле-Успенской церкви г. Липецка игуменом Афанасием (Медведевым). Текст «Жития...» впоследствии был издан отдельной брошюрой с тем же заголовком, преждевременно именующим Ивана Васильевича «местночтимым» подвижником благочестия. Пока что лишь испрашивается дозволение Святейшего Патриарха и Священного Синода на церковное почитание блаженного старца Иоанна.

В самом же тексте «жития», помимо фактов, взятых из публикаций Е. А. Федерякина, содержатся и сведения, не находящие ныне подтверждения. Источники же их, за смертью отца Афанасия, установить не представляется возможным.

Игуменом Афанасием был подготовлен к публикации, но так и не издан текст записок житийного характера о старце Иоанне, автором которых является скончавшийся в 1994 году Михаил Павлович Рыков – липчанин, в чьем доме Иван Васильевич Васильев провел последние 10 лет своей жизни. Сохранились и другие, достаточно обширные рукописные труды Михаила Павловича, в которых рассказывается о последних годах земной жизни старца Иоанна. Это и наброски к «житию», и заметки дневникового характера, относящиеся к апрелю-августу 1965 года, и собрание из 440 высказываний блаженного по тем или иным аспектам пути к спасению.

Упоминая о М. П. Рыкове, должно отметить, что, знакомясь с рукописным наследием, оставленным этим глубоко верующим, православным человеком, слушая рассказы бывших свидетелями их жизни с отцом Иоанном под одной крышей, поневоле вспоминаешь «служку Божией Матери и Серафимова» – блаженной памяти Н. А. Мотовилова, чьи записки столько сделали для более полного и глубокого раскрытия духовного облика великого Саровского молитвенника за землю Русскую. Как и Мотовилов, Рыков искренне уверовал в то, что свят старец, рядом с которым и под мудрым духовным руководством которого сподобил его Господь проводить часть дней жизни земной. «Он был велик как в слове, так и в деле», – эти слова М. П. Рыкова о старце Иоанне воплощают ту внутреннюю уверенность, что читается за каждой строкой оставленных Михаилом Павловичем записок. А в конце их стоит еще одна знаменательная фраза: «Уверен, что будут открыты его мощи».

Эту уверенность разделяли десятки и сотни духовных детей Ивана Васильевича, к сожалению, ко дню сегодняшнему оставившие этот суетный мир. Но живы еще их дети, охотно делящиеся как слышанным от родителей, так и оставшимся в памяти от лет младых.

Блаженный Иван Васильевич и Михаил Павлович Рыков, в доме которого старец прожил последние 10 лет

Особенно много удалось почерпнуть из материалов, собранных и сохраненных в семьях Мешковых и Дюкановых, с которыми Иван Васильевич был особенно близок с 1929 года и по день кончины.

Липчанки Вера Александровна Бобылкина и Клавдия Александровна Мешкова (Митрофания в постриге) – дочери Александра Петровича Мешкова – бережно хранят семейный фотоархив, на снимках которого запечатлен и любимый «дедушка». Немало добавили к общей картине живые их рассказы.

Благодаря трудам Анны Федоровны Дюкановой из Орла стали доступны для изучения материалы уголовного дела № 11638, заведенного 26 апреля 1950 года «по обвинению Васильева Ивана Васильевича по ст. ст. 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР». В стенограммах допросов содержится целый ряд ранее неизвестных деталей мирской биографии старца Иоанна, записанных с его собственных слов.

Анна Федоровна является и автором кратких записок мемуарного характера, в основу которых положены как рассказы ее матери, Клавдии Николаевны Мешковой, так и ее личные воспоминания.

Именно в семье Дюкановых сохранились письма, написанные рукой Ивана Васильевича. Причем, произошло это образом чудесным.

Когда в 1950 году старца Иоанна арестовали в Орле, то произвели обыски у всех, ему близких. Связанное с Иваном Васильевичем, включая духовную литературу, нещадно и безвозвратно изымалось. Чуть ли не к первым с обыском пришли к Дюкановым. Так что перевернули дом особенно тщательно.

Вот как вспоминает об этом Анна Федоровна: «Перерыли все уголки, везде и все, многое забрали и не вернули: фотографии, св. книги и др. А эти письма Ивана Васильевича мама хранила в своей спальне в ящике небольшого столика, они были закатаны трубочкой и перевязаны ленточкой-тесемочкой. Работник органов открыл ящик стола, взял эту трубочку связанных писем в руки и спрашивает маму: «Что это?» Бог вразумил маму, и она спокойно отвечает ему: «Это детские игрушки». И он протянул маме эту связку писем, не открывая их... Ночью продолжался обыск. Маму они просили, чтобы она носила в руках керосиновую лампу, которая освещала им дорогу. Полезли на чердак, все перерыли, а там у нас в небольшом сундучке хранилась часть книг. Мама спокойно поставила керосиновую лампу на этот сундучок, и они даже не подошли к нему и не посмотрели. Так сохранилась и часть книг. Мы поняли, что все это произошло по молитвам дорогого Ивана Васильевича».

* * *

...Вот так, по воле Божией и радением многих православных христиан, живших и живущих с уверенностью, что истинно свят перед Господом блаженный старец Иоанн, и дошли до наших дней и собраны были материалы, с которыми сейчас работает Комиссия по канонизации святых Липецкой и Елецкой епархии.

Л. МОРЕВ

Нагорная проповедь

Заповеди блаженства

в изречениях и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Просящему у тебе дай, и хотящаго от тебе заяти не отврати... Любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгонящия вы (см. Мф. 5, 42-48).

1. Одолжай и тех, от коих не надеешься получить обратно, одолжай ничесоже чающе.

2. Люби искренне врагов своих, и доказывай любовь к ним соболезнованием о их несчастьях и деланием им всякого добра.

Помни, что если будешь делать добро только любящим тебя, то Бог не будет милостив к тебе, ты лишишься, благодати Его; ибо и язычники и грешники любят любящих их.

(Продолжение. Начало в № 22-38)

1. Однажды Авва Агафон шел в город для продажи небольших сосудов и находит на дороге прокаженного. Прокаженный спрашивает его: куда идешь? Авва Агафон отвечает ему: в город, продавать сосуды. Прокаженный сказал ему: сделай милость, снеси и меня туда! Старец поднял его и принес в город. Больной сказал: положи меня там, где ты будешь продавать сосуды. Старец сделал так. Когда он продал один сосуд, прокаженный спросил его: за сколько продал ты? За столько-то, – отвечал старец. Больной сказал: купи мне пирог. Старец купил. Потом, продал другой сосуд. Больной опять спросил: этот за сколько? За столько-то, – отвечал Агафон. Больной сказал: купи мне такой же пирог. Авва Агафон купил. Наконец, когда старец продал все сосуды и хотел идти назад, прокаженный спросил: ты идешь? Да, – отвечал старец. Больной сказал ему: сделай милость, отнеси меня опять туда, где взял. Старец взял его и отнес на прежнее место его. И говорит ему тогда прокаженный: благословен ты, Агафон, от Господа на небе и на земле! Агафон посмотрел, но уже никого не видел: ибо это был Ангел Господень, пришедший испытать его.

Один брат, увидев, что Авва Нистерой носил на себе две верхние одежды, спросил его: если придет нищий и попросит у тебя одежды, то какую ты отдашь ему? Старец отвечал: лучшую. Брат опять спросил: а если другой попросит у тебя, тому что дашь? Старец сказал: половину другой одежды. Брат еще спросил: а если кто еще попросит у тебя, ему что дашь? Старец сказал: раздеру остальное и дам ему половину, а из другой половины сделаю себе опоясанье. Наконец, брат спросил: если кто попросит у тебя и опоясанье, тогда что сделаешь? Старец говорит: отдам ему остальное, а сам пойду куда-нибудь и буду дожидаться, пока Бог пошлет мне одежду и прикроет меня, а у другого ни у кого не попрошу.

Некто из отцов рассказывал об Авве Иоанне Персиянине: однажды занял он у брата златницу и купил льну для работы. Один брат пришел к нему с просьбой и говорил: дай мне, Авва, немного льну, и я сделаю себе левитон. Авва дал ему с радостью. Также пришел и другой брат и просил у него: дай мне несколько льну, я сделаю себе полотенце. Старец равно дал и этому. И кто только ни просил у него, всем одинаково давал с радостью.

Благочестивый Пиор работал у кого-то во время жатвы и по окончании работы напомнил хозяину о плате. Но тот отложил плату до времени, и Авва возвратился в монастырь. В другой раз, когда настало время жатвы, Авва жал у него и работал весьма усердно, но, опять ничего не получив, возвратился в монастырь. Также и в третье лето старец, окончив обычную работу у того же человека, ушел от него без всякой платы. Но когда Господь благословил дом того человека, у которого работал Пиор, он взял плату и ходил по монастырям, ища святого. Как скоро нашел его, упал к ногам его и, отдавая ему плату, говорил: Господь ущедрил меня. Старец велел отдать принесенное в церковь пресвитеру.

Достойно было удивления в Авве Персиянине, что если кто приходил к нему взять что-нибудь в долг, он не сам давал из своих рук, а говорил брату: пойди, возьми себе что нужно. Когда взявший приносил долг, то старец говорил: положи это опять на свое место. Если же не приносил, то старец и не напоминал ему о том.

2. Рассказывал об Авве Мотие ученик его Авва Исаак. Старец построил сперва монастырь в Геракле. Удалившись отсюда, пришел он в другое место и там построил еще монастырь. Но по действию диавола нашелся тут один брат, который враждовал на старца и оскорблял его. Старец встал и ушел в свое село, построил себе там еще монастырь и заключился в нем. Спустя несколько времени пошли к нему старцы с тем, чтобы просить его возвратиться в их обитель, из которой он удалился, взяв с собою и брата, враждовавшего на него. Когда они пришли к тому месту, где жил Авва Сорий, оставили близ оного свои милоти и брата, который огорчал старца. Как скоро они постучались, старец приставил небольшую лестницу, начал всматриваться, узнает их и спрашивает: где же ваши милоти? Они отвечали: вон там-то и с таким-то братом. Старец, услышав имя брата, который оскорблял его, обрадовался, взял топор, разломал двери и побежал туда, где был брат, первый поклонился ему, обнял его и привел в свою келью. Целые три дня он делал им утешение и сам разрешил с ними свой пост, чего прежде по обыкновению своему не делал. Наконец, встав, отправился вместе с ними в монастырь. После того он был епископом.

По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона начато возрождение монашеского общежития в Елецком Знаменском женском монастыре (на Каменной Горе). Сюда направлен архимандрит Севастиан (Щербаков), которому правящим архиереем вменено духовно окормлять составляющуюся ныне сестрическую общину и осуществлять координацию восстановительных работ.

Более 20 матушек, избравших для спасения стезю монашескую, прибыли в Елец, дабы своими трудами и молитвами способствовать скорейшему возрождению древнего Знаменского монастыря...

А мы предлагаем читателям «Задонского паломника» рассказ о том, как сделаны были первые шаги по пути восстановления...

12 июня, накануне праздника Всех святых, в земле Российской просиявших, в духовной жизни ельчан произошло знаменательное событие — состоялось освящение закладного камня часовни во имя иконы Божией Матери «Живоносный Источник», что будет построена на святом источнике у стен Елецкого Знаменского женского монастыря (на Каменной Горе), прославленного подвигами затворницы Мелании и схимонахини Магдалины.

Старинный город Елец издавна славился своими святыми обителями и многочисленными храмами. За это весьма любил его святитель Тихон, чудотворец Задонский, сказавший как-то о Ельце: «Люблю град сей за благочестие. Истинный Сион». В XIX веке городскую панораму украсил величественный Вознесенский собор. Умножилось и число приходских и монастырских церквей, которых к концу XIX века насчитывалось здесь около 30. Почти все они в 30-х годах прошлого столетия были закрыты.

За минувшие с тех пор десятилетия многие храмы города оказались не только разрушены, но и уничтожены. Не избежал печальной участи и Знаменский монастырь, от которого к сегодняшнему дню сохранилась лишь изрядно обветшавшая внешняя стена с колокольней. О главном же храме этой некогда известной высокой подвижнической духовной жизнью святой обители, взорванном в советское время, напоминают лишь груды кирпича. Но по-прежнему струит свои воды чудесный родник у подножия Каменной Горы, славный исцеляющей свежестью чистой благодатной воды.

Несколько лет назад по благословению Правящего Архиерея инициативная группа православных ельчан взялась за возрождение порушенной обители. На обращение помочь в расчистке от строительного мусора и зарослей не занятой жилой застройкой территории монастыря, ремонте колокольни откликнулось немало добровольцев. И сделать удалось много. За алтарной частью разрушенного храма установлен крест, установлено и обустроено место упокоения чтимой подвижницы благочестия – затворницы Мелании. Сюда потянулись верующие, стали приезжать паломники. Дальнейшее обустройство монастырской территории требовало более солидной материальной поддержки со стороны городских властей.

И руководство администрации города Ельца и городского Совета депутатов поддержало просьбу городской православной общины, приняв решение о сборе средств на восстановление Знаменского монастыря.

Начать решили с устроения у здешнего святого источника, куда стекаются сотни и тысячи верующих, часовни, купели и колодца. На основе предложений елецкого архитектора Александра Новосельцева проектная организация ООО «Восход» разработала необходимую документацию. Для воплощения проекта в жизнь будут привлечены строительные организации Ельца.

Не была забыта и главная – духовная сторона начатого возрождения обители. Со Светлых Пасхальных дней, по благословению преосвященнейшего Никона (Васина), епископа Липецкого и Елецкого, на территории Знаменского монастыря начали совершаться богослужения. Духовно окормлять здешних прихожан правящим архиереем временно благословлен был священник Павел Поваляев. А собственно восстановительные работы шли под наблюдением протоиерея Георгия Гостилина, благочинного второго Елецкого церковного округа.

Дождливая майская холодная погода задержала начало строительных работ. Но вот счастливый и радостный день настал. Освящение места закладки часовни сопровождалось праздничным крестным ходом и торжественным молебном.

С торжественным событием в духовной жизни Ельца собравшихся поздравил благочинный второго Елецкого церковного округа протоиерей Георгий Гостилин, сказав следующее:

– В старину всегда говорили: если не хотите строить тюрьмы, стройте храмы! Славу Богу, что со дня Великой Пасхи в этом году в нашем монастыре по благословению преосвященнейшего Никона, епископа Липецкого и Елецкого, ежедневно совершаются богослужения. Сюда можно придти исповедоваться, причаститься Святых Христовых Таин, получить утешения и ответы на сложные вопросы. Дай Бог, чтобы каждый, проходящий мимо, услышав звон колоколов Знаменского монастыря, смягчил свое сердце, простил обиды ближнему и пожелал внести свою лепту в восстановление обители. Сегодняшнее событие знаменательно для становления духовной жизни Ельца. И я сердечно благодарю главу администрации города В. А. Соковых, председателя Елецкого городского Совета депутатов А. П. Иванова, строителей и всех, кто принимает участие в восстановлении поруганной святыни. В дальнейшем здесь будут колодец и купальня, где можно будет исцелить раны душевные и телесные. Храни вас Господь!

Поправив мастерком закладку фундамента часовни, глава администрации города Виктор Соковых также отметил значимость начатого строительства:

– Чего греха таить, мы жили во времена, когда разбрасывали камни, настала пора их собирать. Начавшееся здесь строительство – первый шаг к восстановлению этого замечательного памятника Православия, шаг к истокам, корням и традициям как Русской Православной Церкви, так и всего нашего государства. Спасибо всем за то, что делается во имя и славы Ельца и Липецкой области, за веру, что Россия возродится!

А в это время над кирпичной кладкой стен будущей часовни трудились каменщики СМП-663 Михаил Тарусов и Владимир Шарипов. Именно этой строительной организации поручено возвести стены часовни...

Вот так было положено начало возрождения из руин Елецкого Знаменского женского монастыря. И хочется верить, что в годы будущие его вновь продолженная летопись будет пополнена немалым числом замечательных страниц, как и встарь исполненных пользы духовной.

А «Задонский паломник» намерен предложить своим читателям рассказ об истории этой обители, прежде столь славной на Руси Православной. Публикацию рассказа об истории Елецкого Знаменского женского монастыря мы планируем начать со следующего выпуска нашего альманаха...

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

В истории Святой Руси мы встречаем безчисленные примеры благотворения иноческим обителям. И сегодня эти примеры достойны подражания в особенности – ведь нашему поколению святыни прошлого, которые созидала некогда всенародная любовь к Церкви Христовой, достались в разрушенном и оскверненном виде. Таков ныне и разоренный дотла за годы советской власти Елецкий Знаменский монастырь.

Слава Богу, молитвами и благословением преосвященного Никона, епископа Липецкого и Елецкого, начато возрождение этой некогда славной женской обители. Но велики предстоящие труды настолько, что без помощи благочестивых мирян совершить их будет очень и очень тяжело.

А потому, дорогие братья и сестры, мы смиренно просим оказать посильную помощь в восстановлении Елецкого Знаменского монастыря.

Простосердечный и непраздный

Задонские праведники

Инок Феофан

Среди тех, кто беседой своей утешал святителя Тихона во дни пребывания его в Задонском Богородицком монастыре был и смиренный рясофорный монах Феофан-простец, происходивший из крестьян-однодворцев, возможно, уроженец города Ельца. «Грамоте не умел, характера же самого простого селянина был».

Известно, что жил Феофан «при келии» святителя. Из-за этого некоторые авторы ошибочно именуют его «келейником». Это не подтверждается воспоминаниями действительных келейных служителей святителя Тихона.

По данным П. В. Никольского, автора «Монашества на Дону», Феофан жил «при святителе» еще в Толшевском монастыре.

Возраст Феофана приближался к 70 годам. Несмотря на годы, Феофан не любил оставаться в праздности, что особо было отмечаемо святителем Тихоном. «Феофан – утеха моя, я им весьма доволен, – говорил святитель о старце. – За то его хвалю: первое, за простосердечие его, второе, за то, что он никогда празден не бывает, но всегда в благословенных трудах упражняется». «Подлинно, и старец по своей жизни достоин был похвалы», – замечает келейник святителя Тихона Василий Чеботарев, добавляя: «Старец рукоделие имел самое низкое, портное, да лапти плел».

Но не только безхитростность, простота и трудолюбие монаха Феофана привлекали святителя Тихона. В его исполненных житейской мудрости словах обретал он порой мысли, которые рождаются опытом духовной жизни. «Иногда, – говорил святитель, – и простолюдин между простыми словами весьма замечательную скажет речь, так что и всяк может пользоваться». А еще отмечал святитель: «Солнце в чистой и тихой воде ясно видится, и подобие его изображается: так и Бог – вечное Солнце – в тихой, непорочной, чистой душе показуется и образ Свой в ней изображает».

Почти ежедневно святой отец беседовал с иноком Феофаном о жизни временной и вечной. «Феофан, – говорил он, – пора, пора в отечество; мне уже истинно наскучила жизнь сия, я рад бы хотя и теперь блаженно умереть, только бы не лишиться вечного блаженства... Бедные, окаянные мы! Теперь избранные Божии радуются и веселятся, и в безконечные веки будут радоваться, а мы, странники и пришельцы, в маловременной сей жизни бедствуем и волнуемся... Туда, Феофан, туда нам надобно всегда мысленно стремиться, чтобы не лишиться с ними участниками быть! Пусть Феофан мир мирское и любит, а мы непременно всегда будем стремиться горняя доставать. Так-то, Феофанушка!»

Автор жития святителя Тихона, протоиерей А. Лебедев, рассказывая об иноке Феофане, замечает следующее: «Не случалось ли вам самим испытать или слышать от других, как ребяческий лепет незлобливого и доверчивого младенца рассеивал самые густые и мрачные облака родительской грусти, облегчал стесненную скорбью грудь отца и заставлял его смело и бодро идти на труды, неприятности и опасности жизни. Трудно и едва ли возможно постичь эту тайну человеческого сердца, только, несомненно, что это бывает, и многие испытывают на самих себе. Так было и с Тихоном. Для него этим незлобивым младенцем был старец Феофан».

«Когда преосвященный в мрачных мыслях бывал, то есть во искушении,– сообщает келейник святителя Тихона Василий Чеботарев в своих «Записках...», – то оный старец простыми поселянскими разговорами много пользовал его, ибо он как с простыми поселянами обходился и разговаривал, так равно и с его преосвященством, и никак не называл преосвященного, как только «бачка» [*батька*]. От таких бесед преосвященный чувствовал в себе перемену в мыслях и спокойнее был...»

Считается, что именно в беседе с «простецом» Феофаном святитель Тихон высказал свое отношение к современному ему монашеству. Вот как излагает это предание, впервые опубликованное в книге П. Кратирова «Св. Тихон как пастырь и пастыреучитель», схиархимандрит Иоанн (Маслов): «В беседе со своим келейником Феофаном, который неоднократно обращался к нему с просьбой о пострижении в монашество,.. владыка отвечал: «Эх, Феофанушка! Ходи-ка ты в чем ходишь. Ей, лучше. Я правду говорю... Ведь давно когда-то были монахи, но не ныне; а ныне уж и дрожжей монашеских нет. Вот я живу на свете около 60 лет, но не видал еще истинного монаха... Монастырская жизнь чего требует? Необходимо для жизни человеческой: квас да вода, да слезы – вот монашеское сладко поилице! ...А ныне и мир в монастырь вкрался... и уныние... и праздность... Знай, Феофанушка, что монастырские стены и монашеское одеяние не спасают... И я хвалю тех монахов, которые сами орут землю, хлеб сеют и сами пищу себе готовят, да еще ж бедных и странных питают и упокоевают... Забыли мы древних наших российских чудотворцев, преподобного отца нашего Сергия Радонежского и прочих, которые во обителях своих не имели по три дня и хлеба, а они не пускали братию выходить из монастыря для испрашивания нужной пищи и говорили: «Терпите, братия, Бог не оставит и утешит нас!»».

По мнению П. В. Никольского, старец Феофан скончался «около 1788 года».

Л. МОРЕВ

Архимандрит Исаакий (Виноградов)

Перед вами воспоминания монахини Руфины – духовного чада отца Исаакия. Печатается впервые, по рукописи.

Часть I

Архимандрит Исаакий помимо многих высоких и прекрасных качеств обладал огромным личным обаянием. Между собой мы часто говорили, что он просто сосуд, преисполненный Божественной благодатью. Думается, этим и объясняется его почти неотразимое воздействие на души людей. Ведь его любили пылко, горячо не только верующие, но и неверующие! Во всем его необыкновенно привлекательном, безконечно милом и кротком образе, часто вдохновенном, порою величественном (когда он, например, выходил на литию в полном архимандритском облачении), было нечто такое, что приводило наши души и в трепет, и в восторг, и устремляло вверх – к небу, к Господу... Те, кого Господь сподобил встретиться с отцом Исаакием, а таких людей великое множество, сами испытали подобные чувства.

Как иллюстрацию вышесказанного, я позволю себе рассказать о знакомстве моего отца с дорогим нашим Батюшкой.

Профессор Эйнгорн Наум Исаакович, мой отец, по национальности еврей, был довольно известным в Киеве научным работником и после войны много лет заведовал кафедрой математики в знаменитом Киевском строительном институте, насчитывавшем свыше 9000 студентов. Ученый-математик, ведущий работник огромного вуза, он был убежденным марксистом и, разумеется, атеистом. Он очень любил меня и был уверен в моей большой научной будущности. Тем более мое обращение в христианство было для него тяжелым ударом, который он переживал очень трагически и считал, что люди, способствовавшие моему обращению (моя крестная мать, Ирочка, с которой я жила) просто погубили его любимую дочь.

Я после крещения жила и работала преподавателем в Ельце. Тяжелая болезнь сердца лишила меня возможности работать. Мне приходилось ездить в Киев и жить у родителей, чтобы подлечиваться. В это время, в 1958 году, в Елец приехал отец

Могила архимандрита Исаакия на городском кладбище г. Ельца

Исаакий, и поездки в Киев очень меня тяготили. Но делать было нечего, и я с Ирочкой ежегодно проводила все лето у моих родителей.

Однажды я оставила недописанное письмо Батюшке на столе, и отец прочел его. А вечером он спросил меня:

– Кто это? Отец Исак?

– Не Исак, а Исаакий. Это мой духовный отец, – объяснила я.

– И что же – он человек образованный, интеллигентный и, вместе с тем, искренно верующий?

Я заверила, что все именно так.

– Никогда этому не поверю! – горячо возразил мне отец. – Скорее у меня на ладони вырастут волосы.

Но потом он приехал в Елец, и когда мы с Ирочкой в ближайшее воскресенье собрались идти в храм, папа захотел пойти с нами. Отцу было в это время 87 лет, но в своем белом чесучевом костюме он выглядел несравненно моложе. Нас пропустили вперед, к амвону, и вслед шептали: «Смотрите, это муж Руфины».

После литургии Батюшка вышел на амвон и начал как обычно говорить проповедь. На этот раз он повел речь об отношениях между родителями и детьми. Напомнив о 5-й заповеди, Батюшка подчеркнул важность ее для детей, напомнил, как хорошо и полезно послушание старшим, следование их советам. Но если разногласие касается веры (и Батюшка глянул на нас), то дети должны следовать словам Господа и тому, чему учит наша Матерь – Православная Церковь. Папа весь превратился в слух и никого, казалось, не видел, кроме Батюшки...

Когда мы, как всегда, подошли под благословение, отец Исаакий, к моему удивлению и радости, пригласил нас к себе. Во время обеда Батюшка и отец оживленно беседовали, вспоминали годы учения в Реальном училище (Батюшка окончил Реальное училище в Петербурге, папа – в Киеве), нашлось много других тем. Батюшка много шутил, все смеялись, и после обеда отец предложил прочесть несколько юмористических рассказов М. Зощенко. Отец читал отлично, и Батюшка смеялся до слез с какой-то детской веселостью. А на прощание он сказал мне, весело улыбаясь: «Ну, спасибо, за такого папку!»

Отец был совершенно очарован и покорен Батюшкой. Вместе с нами он стоял на улице, низко кланяясь и снимая шляпу, когда отец Исаакий проезжал в машине мимо нас.

Теперь отец почти ежегодно приезжал в Елец, чтобы повидаться со своим «дорогим другом». Полушутя папа говорил, что он сын Батюшки, о чем свидетельствует его отчество: Наум Исаакович. К каждому личному празднику отца Исаакия папа от-

правлял пространные поздравительные телеграммы с искренними сердечными пожеланиями здоровья и долгих лет «благородного, прекрасного и нужного служения».

Однажды приезд отца совпал с его днем рождения, и Батюшка довольно торжественно отпраздновал 91-ю годовщину отца у себя дома вместе с нами.

Весной 1979 года отец заболел. Когда я сказала об этом Батюшке и попросила помолиться о здоровье папы, Батюшка вздохнул и сказал: «Да, болезнь приходит пудами, а уходит золотниками». У меня душа упала... Я звонила в Киев ежедневно. Раз папа сказал мне: «Передай моему другу, что я прошу его взять меня на небо». Я обещала передать, но попросила его пожить еще все-таки на земле.

Был конец апреля, и настала Пасха. Батюшка в среду пригласил нас к себе на праздник. У меня было радостное настроение: Пасха у Батюшки, и папе стало значительно лучше. После праздничного обеда я, улыбаясь, передала Батюшке папину просьбу, а он очень серьезно и без всякой улыбки ответил: «Хорошо, возьму». А на Радоницу (во вторник 30 апреля) папа умер.

Удивительно закончилось знакомство моего отца с отцом Исаакием.

На 40-й день папа приснился Ирочке: благодарил ее и меня за то, что мы читали по нему Псалтирь, и просил передать своему «дорогому другу», что он горячо его благодарит, что он очень счастлив, так как сегодня получил ключи от своей новой, очень хорошей квартиры. Правда, далековато от центра, но светлой, удобной, отличной. Я сразу побежала к Батюшке и рассказала все. Он серьезно меня выслушал и, помешивая ложечкой свой чай, спокойно сказал: «Я так и знал. Очень хорошо, поздравляю!»

Некогда, студентом Петербургской духовной академии, он спас душу своего несчастного однокурсника, совершившего самоубийство, и вымолил ему прощение.

На этот раз архимандрит Исаакий спас душу человека некрещеного, долгое время враждебно относившегося к Церкви и ее служителям, убежденного атеиста.

Отец, конечно, не мог устоять пред великой духовной силой Батюшки, а его личное обаяние вызвало у моего отца горячую любовь и крепкую сердечную привязанность к отцу Исаакию. Это радовало, но не удивляло меня: Батюшку не любить – невозможно!

И я храню в своей душе благоговейную любовь к дорогому моему духовному отцу, священноархимандриту Исаакию, и глубочайшую благодарность – за все!

Вечно помня его и глядя на милый, дорогой, святой его лик, хочется постоянно славить Господа и восклицать с царем-псалмопевцем Давидом: «*Ты еси Бог, творяй чудеса!*»

Святителем Тихоном обращенная

Житие старицы Таисии, подвижницы Воронежского Покровского девичьего монастыря (память 10 мая)

Старица Таисия была подвижница Воронежского девичьего Покровского монастыря.

В 1765 году управлял Воронежскою паствою святитель Тихон I. Его душу возмущало нехристианское препровождение местными жителями церковных праздников, которые ознаменовывались в Воронеже более гульбищами и нескромными играми, нежели молитвою. В Воронеже существовал с давних времен языческий обычай праздновать пред началом Петрова поста целую неделю Ярила. Окрестные жители стекались, как бы для ярмарки, на городскую площадь, куда выводили молодого человека, опутанного лентами и цветами, с позвонками в руках, который плясал пред народом и представлял собою того языческого идола Ярилу, в честь коего совершалось нелепое празднество, заключавшееся пьянством, кулачными боями, а иногда и смертоубийством. Не могло вынести такого безчиния сердце ревностного пастыря, который не потерпел требища идольского посреди христианского города, тем более, что эти безчестие и буйство возрастали. В первый день Петрова поста решился он сам выехать к народу из своего загородного уединения (из Троицкой рощи, где загородный архиерейский дом с церковью), и как горько поражены были взоры его неистовым зрелищем! Повсюду раздавались дикие песни, вопли и крики; до высшей степени доходил разгул пьяной толпы, возбужденной развратными плясками. Исполненный негодования Тихон въехал в самую середину безчинствующих и сказал сильное обличительное слово, которое возбудило стыд и раскаяние. Многие сейчас же разбежались, другие еще остались на площади, но уже не для игрищ, а для того, чтобы со смирением слушать увещания своего пастыря, который угрожал им отлучением от Церкви, если не прекратят безчиния. В своем присутствии немедленно заставил он разорить все шалаши, устроенные для игр и для

торжища, и тогда только возвратился в свое уединение.

Среди этой толпы, на этом игрище, находилась одна девица, разо-

детая по-праздничному и веселая, дочь одного мещанина в Воронеже, Татьяна Постовалова. Обличительное слово св. Тихона, подобно семени, упавшему на добрую землю, принесло добрый плод в сердце девушки Татьяны. Она плясала и пела в хороводе; но пастырское слово св. Тихона поразило ее и пробудило ее совесть. В Татьяне, вышедшей из родительского дома на игрище и, вероятно, не помышлявшей о всей греховности языческого празднества, вдруг пробуждается самосознание, и с нею тут же на площади делается такой перелом, подобный какому происходит обыкновенно более продолжительно. Видимо, благодать Божия была с нею. «Когда я услышала, – рассказывала она потом, – обличительные речи св. Тихона, мне вообразилось, будто настал Страшный Суд; я до того устрашилась, что тотчас же положила в сердце намерение умилостивить Бога покаянием и тем избежать муки вечной».

Прямо с базарной площади, не заходя в родительский дом, Татьяна, говорит предание, отправилась в своем праздничном наряде в Воронежский Покровский девичий монастырь. Там около двух лет была игуменией мать Прокла, в схиме Пелагия, выбранная сестрами из среды себя и поставленная во игумении тем же св. Тихоном в первый год его святительства в Воронеже, в 1763 году. Матушке игумении доложили о приходе Татьяны. Узнав от нее о причине ее желания поступить в монастырь, благочестивая игумения Прокла приняла Татьяну с ласкою и любовию.

В начале монастырской жизни Татьяна, в монашестве Таисия, испытала болезнь: у нее свело ноги, от какой болезни исцелил ее Бог по молитвам св. Тихона.

Образ жизни матери Таисии был вполне аскетический. Задача спасительного христианского подвига заключается в отсечении своей греховной воли и в покорении себя воле Божией. Для видимости и осязательности этого отсечения необходимо покорить себя воле лиц, духовно старших нас. Этим отсечением своей воли начала Таисия свои иноческие подвиги. Она исполняла разнообразные послушания, особенно в качестве прислужницы старицам этого монастыря и еще несла другое послушание, о котором нам известно следующее.

В описываемое старое время благочестивые люди в дни, почему-либо чтимые в их семействах, устрояли в стенах Покровского монастыря, с разрешения игумений, общую трапезу для сестер. Разумеется, пища и хлеб приготовлялись здесь же.

Старице Таисии было назначено послушание сеять муку. Порою до того много было работы, что Таисию запрут на целый день в амбаре и даже забудут не только принести ей пищи, но даже воды – утолить жажду. Терпела Таисия; но враг рода человеческого рычит, *иский кого бы поглотити*, он стал внушать ей малодушие и досаду.

– Чем же я виновата, – сорвалось у нее однажды с языка, – что на меня одну налагают послушание?

На это заметили ей монахини: «Смотри, игумения услышит и вышлет тебя из монастыря».

– Чем мне дожидаться, пока вышлют, лучше я сама уйду, – отвечала Таисия.

И действительно, вскоре келия Таисии опустела. Раба Божия поддалась искушению. Она ушла из монастыря и целый день бродила в бывшем тогда по соседству с монастырем густом лесу, пока не наступила ночь. Перелезши потом чрез ограду, она направилась к своей келии; но увы, келия заперта, и ключ очутился у игумении... Шесть недель сряду Таисия проводила дни в лесу, а ночи на монастырском дворе, под открытым небом.

Она почти вовсе не спала, а ходила до белого света по монастырю, молясь пред теми иконами, которые выставлены у церкви, или тревожила стуком спящих знакомых монахинь, особенно монахинь, за которыми она замечала какое-либо искушение.

Чем она питалась в это время – одному Богу известно. Наконец, монахини сжалились над Таисиею и доложили игумении, которая совсем было позабыла о ней. Немедленно келия Таисии была отворена, и она снова поселилась в обители.

Келия старицы Таисии не запиралась никогда, ни днем ни ночью. Пища ее состояла преимущественно из чаю, разведенного на холодной воде, и лепешки, наскоро замешанной ею в собственном старом клобуке... Старица любила приглашать к себе на ночь кого-либо из монастырских девушек, которые сначала охотно исполняли желание старицы, но та по целым ночам не давала им спать. Таисия молится или работает всю ночь. Днем наготовит, бывало, иголок со вздернутыми нитками, а ночью шьет и шьет суконные башмаки... Чуть заснет девушка, старица будит ее.

– А ты уже заснула, – говорит она.

– Да я заболею без сна, – отвечает ей девушка.

– Не заболеешь; по ночам не следует спать.

И девушки оставляли старицу одна за другою.

В то время в Воронежской городской больнице жил Христа ради юродивый, некто Иван Васильевич, которого очень уважала старица Таисия и заботилась о нем. Однажды чуть свет приходит старица Таисия к одной любимой келии и начинает стучать. Монахини отворяют двери и впускают ее. Видя старицу легко одетую и прозябшую до костей, монахини укладывают ее на кровать и предлагают ей чай.

– Поставь самовар.

– Хорошо, хорошо.

И самовар подан, и чашка с чаем остыла, а старица все охает и охает.

– Вот мы пьем чай, а Иван Васильевич сидит теперь голодный и ждет чаю, – говорит она.

– Ну, что же, – отвечает послушница, – я налью ему бутылку, возьму булку и сбегаю, отнесу.

– Сделай милость, потрудись, – просила старица. Послушница опрометью пробежала улицу, взобралась на крутое взгорье и очутилась у Ивана Васильевича. Тот, видимо, ожидал гостинца: растворил в палату двери, принял посланную вежливо и очень благодарил.

Возвратясь, послушница передала старице, как было. Та осталась довольною. В другой подобный же случай, когда старица начала печалиться, что Иван Васильевич голоден, услужливая послушница по-прежнему предложила свои услуги.

– Неси, коли хочешь, да уж опоздала, матушка, опоздала...

Послушница отправилась, но вместо ласкового приема юродивый встретил ее такой неприветливый и вспыльчивый, что та не знала, куда деться. Бутылка с чаем разлетелась вдребезги. Смущенная послушница возвращается в монастырь и рассуждает сама с собою: «Ну что я скажу старице? Солгу, скажу, что Иван Васильевич благодарит». Лишь взошла она в келию, старица встречает ее словами:

– А что, видишь, опоздала!

– Благодарил, матушка.

– Не проводи меня: опоздала, да, опоздала!

Есть сказание еще о следующих случаях, где проявилась прозорливость старицы Таисии.

Однажды утром она стала вытаскивать большую скамью из-за своей печки и просила одну послушницу помочь ей. На вопрос последней, зачем это она делает, старица отвечала:

– Неравно, гости будут.

Примостивши скамью, старица села на край и спрашивает послушницу:

– Хорошо ли будет, если я сяду здесь, а гости тут?

– Хорошо, – ответила послушница.

Потом старица взяла чайную чашку без ручки и попросила у знакомой монахини варенья, говоря: неравно, гости будут.

Ровно в три часа пополудни приехали в монастырь Воронежский преосвященный Антоний II со своим гостем преосвященным Курским Илиодором. Не застав дома игумении, оба преосвященные отправились к старице Таисии. Она усадила гостей на приготовленной скамье и угощала их тем же вареньем, омачивая в него куски калача и подавая им...

Покровский девичий монастырь. Начало XX века.

Купчиха А. с своею молодою невесткою посетила старицу. Таисия, предчувствуя беду, грозящую невестке, стала выражать сожаление о ней, называя ее нежными именами, причем набросила ей на шею четки.

– Что это, матушка, неужели она пойдет в монастырь – такая молодая, красивая, да еще замужем? – спросила послушница.

Старица не обратила на нее внимания, а обратилась к старшей купчихе:

– Если что случится, не забудь ты дать мне знать.

Часа через два по возвращении домой купчих с мужем молодой сделался удар, и вскоре она овдовела, после чего поселилась в Елецком, Орловской губернии, девичьем монастыре и умерла монахиней.

Старица Таисия мало ела, мало спала, хранила строгий пост и воздержание, вся была в Боге, и Бог был с нею. Наступил1840 год. За семь месяцев до своей блаженной кончины старица до того ослабела, что слегла в постель и без помощи других не могла двинуться. В это время она часто исповедовалась и приобщалась Святых Таин, а в последние дни свои она почти каждый день удостаивалась трапезы Господней. Наступила Страстная седмица.

– Возьми меня к окну, – сказала старица послушнице. Та взяла на руки старицу и поднесла к окну. Старица вздремнула.

– Лучше бы вы, матушка, поглядели в окно. Вот копают могилу усопшей сестре, – от нечего делать сказала послушница.

– Утрудила я тебя. Потерпи еще немножко. Вот скоро Святая, и я оставлю вас... – отвечала раба Божия.

Наступил первый день Светлого Христова Воскресения. После ранней обедни старицу Таисию приобщили Святых Христовых Таин. Принесли ей кулич, сыр и просили разговеться; долго отговаривалась старица, но потом немножко отведала сыру и тем покончила. Силы ея стали заметно упадать и упадать. Она до того ослабела, что еле дышала. В таком состоянии она провела до ночи со среды на четверг Святой недели и безмятежно предала Богу смиренную душу свою.

В ту самую ночь одна монастырка видела замечательный сон: чрез святые ворота приплыли на лодке к келии старицы Таисии святители Митрофан и Тихон, осеняемые небесным светом. Взяли они старицу Таисию, посадили между собою и уплыли с нею тою же дорогою, оставив монастырь во мраке.

Все сестры монастыря и во главе их внимательная к старице Таисии игумения Смарагда проводили подвижницу Божию до ее могилы. Старица Таисия погребена на монастырском кладбище, за горним местом летнего храма, с левой стороны. Надгробная цоколевая плита на ее могиле имеет соответствующую надпись.

Таисия прожила в монастыре 75 лет.

"Да будет воля Твоя!"

Нечто о жизни и смерти

Была пасхальная неделя, я был под Москвой, в Троице – Сергиевой лавре, и както под вечер сидел у могил моих родственников на одном из лаврских кладбищ. За массивной чугунной решеткой на высоком гранитном основании стояли четыре тяжелые памятника. И задумался о судьбе лежавших тут людей, которые все умерли до моего рождения и которых, тем не менее, я прекрасно знал.

Посередине рядом друг с другом лежали разные люди, прожившие в счастливом браке более 50-ти лет. Они провели весь свой век в чрезвычайном богатстве, живя в избранном кругу, задавая постоянно блестящие праздники. Старик был окружен почетом, осыпан служебными отличиями; его жена, при большом уме, отличалась чрезвычайной гордостью, и многие женщины с большим положением, подходя к ней, чувствовали какую то робость. Но разве есть что-нибудь прочное на земле?

Три четверти века полного благоденствия сменились тяжелыми испытаниями. К концу своих дней старик был вовлечен в огромные финансовые предприятия, которые окончились для него потерею миллионов. Он умирал уже предчувствуя страшную перемену в судьбе своей семьи, терзаемый опасениями, и до последнего дня сумел скрыть от света и от близких свои роковые неудачи. Пережившая его на несколько лет вдова видела изо дня в день быстрое таяние огромного состояния. Она умерла еще в своем доме-дворце, но должна была расстаться с любимым подгородным имением, где весь обиход был поставлен с редкой роскошью. Конечно, для ее гордой души все эти последние годы были сплошною мукой, может быть, превзошедшие тяжестью то счастье, которое так долго и верно сопровождало ее прежде.

И вот, сидя у могил этих двух людей, которых я никогда не видел и которых, однако, я мог с чрезвычайной отчетливостью представить себе во всякую пору их жизни; которых я знал привычки, манеры, голос, походку, – я думал о их судьбе.

И думая о ней, приходил лишний раз к заключению о том, как непрочно счастье мира, как мгновенно благоденствие сменяется страданьем, как тяжела жизнь, как часто смерть является разрешительницей и единственной избавительницей даже таких людей, которые совне возбуждают всеобщую зависть.

А потом я стал думать о тех людях, которые лежат по бокам этой старой супружеской четы. Они оба умерли молодыми: один, их сын, на двадцать первом году; другой, племянник, на двадцать пятом.

Оба они были баловни судьбы, одаренные не только внешними условиями родовитости, богатства и культуры: они были даровитые, незаурядные люди, с тонкой организацией, изысканными вкусами, легко привлекавшие к себе привязанность и сами способные на глубокое чувство.

Один, раньше умерший, представлял собою то, встречающиеся у богатых натур, резко выраженное сочетание в одном существе земли и неба, склонности ко всяким увлечениям и идеализма, которое является тяжелым крестом и глубокою мукою для тех, кому суждено узнать это трагическое раздвоение. Он отдавал полною душою дань увлечениям молодости. Но, кроме этих увлечений в нем были своеобразные, благородные черты, отличавшие его от того круга, так называемой «золотой молодежи», в котором он жил.

Он был чрезвычайно добр, и, если он вообще сорил деньгами, то из этих денег много, очень много, переходило в руки бедных его товарищей по университету, которым он постоянно в тайне помогал. Он был также очень набожен и весною любил ходить пешком на богомолье к «Троице», как зовется в московской разговорной речи Троице-Сергиева лавра. Всякий раз когда я смотрю на его портрет, меня в этом красивом породистом лице поражает чрезвычайная мягкость и задушевная искренность выражения.

«Вот – думается мне, – человек, который все сумел бы понять, на все сумел бы откликнуться».

Он умер от скоротечной чахотки, всеми оплакиваемый, умер, когда еще ни одно несчастье не касалось его семьи, которую он страстно любил, и лишь его смерть открыла за собою дверь всякого рода другим испытаниям. Его схоронили тут первым, и долго семья собиралась у его могилы, молча вспоминая об этом ушедшем в землю приветливом солнечном луче.

Таким же приветливым, радостным человеком был и его двоюродный брат, погибший внезапною трагическою смертью. И я спрашиваю себя, как для них лучше было и полезнее: умереть ли, как они умерли не зная истощения сил, не зная ударов судьбы, не испытав тяжких жизненных разочарований, или узнать все зло и все горе мира, испить до дна ту житейскую чашу, имя которой: «плач и стон и горе».

И не потому ли Бог их увел так рано от жизни, что ее бури и грозы были бы слишком тяжелы для их тонких и нежных организаций?

Меня всегда удивляло, как это верующие люди могут с необыкновенным упорством и жадностью цепляться за жизнь. Меня поражает, как мало и слабо христиане испытывают то тяготение, которое так ярко выразил великий апостол словами: «*Имею желание разрешиться* (от жизни) *и быть со Христом*» (Фил. 1, 23). И сами мы цепляемся за жизнь, и своих любимых не любим настолько, чтобы спокойно и радостно передать их из своих рук в руки зовущего их Бога.

Известен рассказ о матери, молившейся об умирающем сыне. Ей

была показана в видении судьба, его ожидающая: виселица. Но она предпочла и это его смерти. Он выздоровел, вырос, впоследствии стал государственным преступником и был повешен.

– Как, скажете вы, неужели мы лишены права вымаливать жизнь безвременно отходящим нами любимым людям?

Нет, не лишены, но пусть нашу молитву о том всегда венчает краткое слово: «*Да будет воля Твоя*».

Вот этой готовности признать Божественную волю и молча пред нею склониться, как склонялся в Гефсимании пред волею Отца Христос, вот этой готовности и нет у нас, когда мы молимся о близких и умирающих людях.

Есть что то прекрасное в смерти вообще, особенно же в конце свежих, не опошлившихся еще существований. И если вокруг них стоит стон и плач, они то, быть может, умирая полны великого, расширяющего в ту минуту их души чувства: «*Мне смерть приобретение*».

Е. ПОСЕЛЯНИН
«РУССКИЙ ПАЛОМНИК», №23, 1907

Учимся вместе с детьми

Ангел Хранитель

Беседа 8

Дорогие ребята! На железной дороге есть работники, которые называются стрелочниками. Если поезд пойдет по пути, который уже занят другим поездом, то они столкнутся, и будет великая беда. Стрелочник же переводит стрелку, то есть переключает рельсы так, чтобы поезд успел вовремя свернуть на свободный путь. Поэтому стрелочники всегда дежурят на станциях, чтобы поезда не сталкивались и не гибли люди.

В середине девятнадцатого века на одной из ближайших к Москве станций железной дороги случилось страшное происшествие. Из Петрограда в Москву шел скорый поезд. Навстречу ему вышел стрелочник, чтобы перевести стрелку и направить его на свободный путь. Далеко впереди уже был виден дымок из трубы и слышен тревожный свисток. Это значит, что паровоз мчится и всех о себе предупреждает. И тут стрелочник оглянулся назад и увидел: прямо по свободному пути навстречу поезду бежит его трехлетний сынишка и держит что-то в руках. Что делать? Бежать к мальчику, чтобы его спасти, было уже поздно. Поезд приближался слишком быстро. Перед папой был страшный выбор. Если стрелку перевести, то паровоз убьет его родного сына. А если не переключить стрелку, то сын будет жив, поезд помчится по другому пути, занятому другим поездом, и погибнут сотни людей.

Всем сердцем воззвал стрелочник к Богу: «Да будет воля Твоя святая!» – перекрестился, закрыл глаза и перевел стрелку. У него не было времени думать, но он не мог поступить иначе. Он должен был выполнить свой долг, чтобы не погибло много людей. Ради этого стрелочник пожертвовал сыном. Через какое-то мгновение поезд уже мчался по полотну, по которому только что бежал его маленький мальчик. Поезд унесся вдаль, пыль чуть улеглась. Стрелочник бросился бежать к тому мес-

ту, где был его ребенок, чтобы найти хоть что-то, что осталось от него. Но что же он увидел? Мальчик лежал между рельсами личиком вниз, сложив на груди руки. Папа закричал: «Сын мой, ты жив?» «Я жив, жив», – весело ответил сынишка и поднялся на ножки. В его глазах не было ни капельки страха. Он все еще прижимал к груди птенчика, вороненка, из-за которого он так бежал, чтобы показать его папе. Папа спросил: «Как это ты догадался лечь на землю?» Ребенок ответил: «Какой-то светлый, красивый, добрый юноша с крыльями склонился надо мной и пригнул меня к земле». И понял стрелочник, что Ангел Божий спас его сына в тот миг, когда он горячо воскликнул к Богу: «Да будет воля Твоя святая!»

Дорогие ребята! Когда священник крестит человека (ребенка или взрослого), Господь Бог посылает этому человеку Ангела Хранителя, чтобы этот Добрый Ангел всю жизнь был рядом с ним. Только у некрещеного человека Ангела Хранителя пока еще нет. Ведь когда человека крестят, ему прощаются все грехи, и Бог Дух Святой входит к нему в душу и дарит душе капельку вечного Света и доброты. А некрещеному еще ни один грех не прощен, и нет в его душе Бога Духа Святого. Поэтому некрещеный человек и Ангела Хранителя недостоин иметь. Плохо, тяжело быть некрещеным человеком. И Ангела Хранителя у него нет, и для Бога он как чужой. Не записано его имя на небесах, нельзя и помолиться за него. И в Рай некрещеный человек никогда попасть не сможет. Страшно так жить. Надо этому человеку ласково все объяснить, подсказать и посоветовать поскорее принять Святое Крещение с твердой верой, что примет его Бог-Троица как родного сына или дочь и все грехи простит.

ИЕРОДИАКОН ГАВРИИЛ (МЕЛЬНИКОВ)

ВРАГ С ЛЕНИВЫМИ НЕ БОРЕТСЯ

Горе нашему нерадению! Мы ленивы, а враг наш бодр, он только о том и помышляет, как бы погубить нас. Мы едим и пьем, а враг скрежещет на нас своими зубами, мы празднословим, а он плетет для нас свои сети... Апостол велегласно взывает: «*Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити*» (1 Пет. 5, 8).

Да, много нам нужно внимательности и осторожности, дабы не поглотил нас диавол, и если мы ленивы, то он уже поглотил нас, а если еще стоим бодро на страже своего спасения, то он воюет против нас, желая поглотить, но не может сего сделать, потому что Бог помогает нам.

Некто из отцов, обитающих в пустыне, однажды встал на молитву в самую полночь и вдруг слышит звук воинской трубы, созывающей на битву. И подумал он: откуда в такой безлюдной пустыне быть войскам и войне? Тогда явился ему бес и сказал: «Да, конечно – война, потому что ты стоишь на молитве; ложись себе и спи, если хочешь, чтобы мы не воевали с тобой! Мы воюем только с теми, кто вооружается против нас доброй молитвой, а с ленивыми не боремся!» Слышишь ли, что говорит злокозненная сила? – «С ленивыми мы не боремся!» Почему так? Да потому, что ленивый уже побежден, он уже упал на землю и лежит, попираемый врагом! Посему будем внимательны и осторожны на всякий час!

Из книги «Руно орошенное»

Христианская поэзия

Над золотыми куполами
Кресты в небесной вышине
Сияют яркими лучами,
Горят на солнце, как в огне.
Под звуки пенья «Величаем...»
И колокольный перезвон
Мы снова праздник отмечаем:
Спешит народ со всех сторон,
Сияет радостью обитель,
Струится всюду благодать...
Тебе мы сможем ли, Святитель,
Достойно почести воздать?
Ты щедродательной рукою
Нам источаешь чудеса.
А мы же кроткою мольбою
К тебе возносим голоса,
Тебя поем и восхваляем
Единым сердцем и душой,
Твое смиренье прославляем,
Духовный труд и подвиг твой.
И просим: не оставь в молитвах
Владыку Никона и нас
И подкрепи в духовной битве
На каждый день и каждый час.
Свой монастырь, свою обитель
От искушений огради
И всех нас, дивный наш Святитель,
Ты ко спасенью приведи.

Инокиня Любовь (Коновалова)

Двор монастырский тих и чист,
С берез спадает легкий лист,
Скользит тропиночкой монах,
Как тень в летучих облаках.

О монастырь!
Здесь бой идет,
Здесь свято все и все — живет!
Здесь благодать, здесь жизнь и смерть,
Чтоб к жизни вечной умереть...

Что делать? Ведь как перст — один...
Друзья, смеясь, ушли к своим
В иллюзий плен...
А мне — нельзя,
Коль монастырь — моя стезя...

«Будь верным», — ветер прошептал...
Жизнь — море, в вечности — причал.
Двор монастырский тих и чист —
С берез слетает легкий лист...

Паломник, г. Елец

Спят леса одетые в солнце,
Горы спят, укрытые небом,
Спят ручьи, зеркальные звёзды
И печальные камыши...
Только сердце на самом донце
Над Небесным Вином и Хлебом
Открывает новые бездны
Света святости для души.

Монах Лаврентий (Подколзин)

Дети о святителе Тихоне

Воскресная школа при Задонском мужском монастыре

Святитель Тихон родился 280 лет назад. В детстве его звали Тимофей. У него было четыре брата и две сестры. Когда Тимофей был совсем маленький, у него умер папа, и он его не помнил.

Семья жила бедно. Мама воспитывала их всех одна, и кушать им было почти нечего. Тогда Тимофей стал наниматься к богатым крестьянам, работать на поле, а за это ему давали хлебушек. Так он помогал своей семье.

В их селе жил богатый ямщик. Ему было скучно одному, ведь детей у него не было, и наследство он не знал куда деть. Ямщику очень нравился Тимофей, и он просил, чтобы ему отдали мальчика на воспитание. Он сказал, что отдаст ему все свое наследство.

Мама взяла сына за руки и повела к ямщику. Тимофею не хотелось туда идти, ведь он любил своих братьев, маму и сестер, но он не вырывался. Он жертвовал собой ради того, чтобы его семье стало жить немного лучше.

Но вот старший брат узнал, что они пошли к ямщику, догнал их и, встав на колени, стал умолять маму не отдавать брата.

Он говорил, что будет дворником при храме или кем-нибудь еще, заработает денег, и их младший брат будет учиться в школе.

А Тимофей, держа маму за руку, стоял тихо и не говорил ни слова. Он ждал, как мама решит. Мама его оставила.

Тимофей пошел в школу в 13 лет. Школа была далеко от его села, в Новгороде. Тимофей переехал туда жить, а кушал то, что давали в школе.

Только вот электричества тогда не было, и Тимофей половину своего хлеба менял на свечи, чтобы можно было делать уроки.

Его одноклассники бегали, играли и звали Тимофея с собой, но он не ходил. Ему было неинтересно. Он стремился познавать все больше и больше. Тимофей говорил: «Мне надо дочитать» или «мне надо делать уроки», а дети над ним смеялись, говорили: «конечно, ты же у нас епископ!» привязывали веревку к лаптям и как будто кадили на него. А еще говорили: «Вот он такой бедный, что гулять не хочет».

В скором времени Тимофей действительно стал епископом, и бывшие одноклассники встречали его в Новгороде уже с настоящими кадилами. Они думали, что святитель Тихон будет их ругать, но этого не было. Он их любил и все понимал.

Святой Тихон помогал бедным. Он был очень добрым. Всегда подавал милостыню. Однажды к нему приходят два человека из Ельца и говорят: «Дай нам денег, у нас сгорели дома». Они его обманули. Просто им хотелось денег.

Святой Тихон дал им денег, и они довольные пошли домой. Приходят и видят, что у них и вправду горят дома. Они всю ночь их тушили, а утром бегом побежали к святому Тихону просить прощения, потому, что поняли, что за обман наказал их Господь Бог. Они раскаялись и рассказали всю правду.

Святой Тихон упал на колени и стал молить Господа, чтобы Он их простил. Потом говорит им: «Просите прощения у Господа сами и больше так не делайте». А еще святой Тихон дал им денег, и те ушли с чистой душой.

Вот такая произошла история.

Просьба не использовать газету в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*

Вновь в Задонск! Я пешком побреду перелесками тихо,
На росистой траве обозначится времени след...
Там, во храме святом, почивает святитель наш Тихон –
Чудотворные мощи в нетленьи уже двести лет!

Всяк паломник сюда со своими скорбями приходит,
И у раки святой на коленях смиренно стоит –
И по вере всегда утешенье и силы находит.
Оттого столько лет исцелителя Тихона чтит.

Свечи тихо горят, и монахи акафист читают,
И звучит дивный хор – в небе ангелов сонм голубой!
И молитвы твои до высоких небес долетают –
Ведь незримо с тобой Богу молится Тихон святой.